И19 01/17

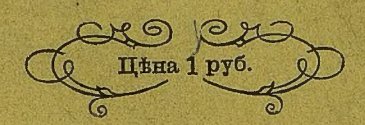
ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ВЪ ОБЛАСТИ

РУССКОЙ ГРАММАТИКИ.

А. Соболевскаго.

Отдѣльный оттискъ изъ „Р. Ф. Вѣстника“ 1881 г.

ВАРШАВА.
Въ типографіи М. Земкевича и В. Ноаковскаго.
Краковское-Предмѣстье, N 415 (15).

1881.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ВЪ ОБЛАСТИ

РУССКОЙ ГРАММАТИКИ.

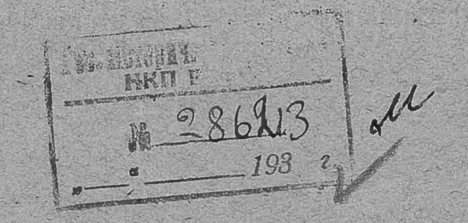
А. Соболевскаго.

Отдѣльный оттискъ изъ „Р. Ф. Вѣстника“ 1881 г.

ВАРШАВА.
Въ типографіи М. Земкевича и В. Ноаковскаго.
Краковское-Предмѣстье, N 415 (15).
1881.

Дозволено Цензурою.

Варшава, 1 Декабря 1881 г.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ
ВЪ ОБЛАСТИ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ

I.

Родительный падежъ единственнаго числа, именительный и винительный множественнаго числа на ѣ.

Въ памятникахъ древне-русской письменности мы очень часто находимъ родительный п. ед. ч., именительный и винительный пад. множеств. ч. съ окончаніемъ *ѣ* или *е*. Родительный пад. ед. ч. на *ѣ*, *е* встрѣчается преимущественно отъ именъ, имѣющихъ основу на â съ предшествующимъ j или мягкою согласною, или, какъ мы будемъ впередъ выражаться, имѣющихъ основу на jâ, и ото всѣхъ мѣстоименій женскаго рода; именительный пад. множ. ч., преимущественно отъ именъ и мѣстоименій съ основою на jâ и винительный п. множ. ч. преимущественно отъ именъ и мѣстоименій, имѣющихъ основу на ja и jâ. Это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ.

XI вѣкъ.

Остромирово Евангеліе: родит. п. ед. ч.: въ вторникъ в҃ *недѣлѣ*, въ срѣду г҃ *недѣлѣ*, въ пѧтъкъ г҃ *недѣлѣ*, въ сѫботѫ г҃ *недѣлѣ*, вт҃къ в҃лкыя *нелѣ* [1]);

Изборникъ Святославовъ 1073 года: родит. п. ед. ч.: нозѣ *ѥѣ*, имен. п. мн. ч.: лѣтаѭть *пътицѣ*; вин. п. мн. ч.: *вьсѣ* хотѧ помыслы разумѣти [2]).

---

[1]) Остромирово Евангеліе, изд. Востокова, 12 об., 19 об., 21, 21 об., 153 об.

[2]) Изборникъ Святославовъ, изд. Общества древней письменности, 169, 129 об., 17 об.

Изборникъ Святославовъ 1076 года: родит. п. ед. ч.: мьщю *іеѣ*; вин. п. мн. ч.: *вѣдовицѣ* заштиштаита [1]);

Архангельское Евангеліе 1092 года: имен. п. мн. ч.: жены пришьдъшая, *зряште....*; вин. п. мн. ч. *ключѣ* [2]);

Слова Григорія Богослова: именит. п. мн. ч.: равьны *надежде* [3]).

Изъ этихъ памятниковъ — Острмр. Евангеліе писано въ Новгородѣ, Изборники — въ Кіевѣ; гдѣ писаны Архангельское Евангеліе и Слова Григорія Богослова, съ точностію нельзя опредѣлить, но первое, судя по слову *весьдѣ* [4]) (съ *ѣ*, как къ великорусскомъ нарѣчіи, а не съ *е*, какъ въ малорусскомъ) и по замѣнѣ *ѣ* черезъ *и*: *удобию*, (=*удобѣю*), двѣ *ризи* [5]), писано въ новгородской области; послѣднія писаны тамъ же, если можно судить по позднѣйшей припискѣ.

XII вѣкъ.

Мстиславово Евангеліе до 1117 года: род. п. ед. ч.: стыя мчнцѣ *Евѳиміѣ*, прдбныя Пелагія инъгда *блудьницѣ*, стыя *мчцѣ Анастасіѣ*, сщеніе стыя *Софіѣ*, стыя *Киликіѣ*, стго пррка *Захаріѣ*, стыя мца *Евдокіѣ*, стыя Ѳеодосія *двцѣ* [6]).

Грамота кн. Мстислава Юрьевича Новгородскому Юрьеву монастырю 1130 года: вин. п. мн. ч.: молите Ба за мя и за *моѣ* дѣти [7]).

Галицкое Евангеліе 1144 года: род. п. ед. ч.: Домьны,

---

[1]) Буслаевъ, Историческая хрестоматія, 296, 294.

[2]) Дювернуа, Журналъ Мин. Народн. Просв. 1878 г., X. 187, 186.

[3]) Будиловичъ, Изслѣдованіе о языкѣ XIII словъ Григорія Богослова, 25.

[4]) Амфилохій, Описаніе Евангелія 1092 г. 30.

[5]) Журн. Мин. Нар. П. ib. 186.

[6]) Извѣстія Акад. Наукъ X, 113, 115, 117, 118, 119, 125, 126, 128.

[7]) Ibid. 498.

Хотимъ, Савы, *Ильѣ*, Григорья, *Натальѣ*, вин. п. мн. ч. *ключѣ* [1]).

Стихирарь 1157 года: вин. п. мн. ч.: вѣрьныя *кънязѣ нашѣ* възвесели [2]).

Добрилово Евангеліе до 1164 года: имен. пад. мн. ч.: *птицѣ нбсные* позобаша [3]);

Грамота новгородскаго князя Ярослава Владиміровича 1189—1199 г.: род. п. ед. ч.: *чюжее* жены; вин. п. мн. ч. ꙁ҃ гривны *старые* [4]).

Торжественникъ Московскаго Успенскаго собора:

1) Житіе Θеодосія печерскаго: род. пад. ед. ч. ст҃ыя *влдцѣ* нашея *Бцѣ*, ни единоя *неделѣ*, отъ *келіѣ*, отъ *братіѣ* [5]); вин. п. мн. ч.: постави *келіѣ* многы; обиходити ему *келіѣ* мниховы *вьсѣ*, на *прьвые* грѣхы, привезоша г҃ возы пълъны *суще* кърчагъ, принесоша ему *хлѣбьцѣ*, повелѣ въсыпати *ѣ* (укрухы), съ *трое* или съ четверы *пригъръщѣ*, *свѣщѣ горущѣ* имяхуть [6]);

2) Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ: род. пад. един. ч. отъ *българинѣ*, съмрьти *тое пагубьное*, уности *моеѣ*, отъ *землѣ*, създавъ *ѥѣ* (церковь), на мѣстѣ *ветъхоѣ деревяноѣ* (церкви) [7]); имен. п. мн. ч. немилостивіи *кръвопиіцѣ*; винит. п. мн. ч. предавъ *воѣ*, *воѣ* дьржа, видѣша свѣтъ и *свѣщѣ*, бл҃гословяще *князѣ*, за *нашѣ* грѣхы [8]);

3) Сказаніе о св. Агапіи: родит. п. ед. ч. отъ *землѣ*, отъ *бурѣ*; им. п. мн. ч. сѣдѣху *пътицѣ*, *душѣ* суть чл҃в-

---

[1]) Буслаевъ, Матеріалы для исторіи письменъ, 11, 12.

[2]) Извѣстія, ibid. 516.

[3]) Ibid 509.

[4]) Русско-Ливонскіе Акты, 2.

[5]) Чтенія, 1879 г., I, 1, 12 об., 14, 18 об., 27, 34, 35, 40 об.

[6]) Ibid. 12, 13 об., 14, 26 об., 27, 29 об., 30 об.

[7]) Чтенія 1870 г., I, 1, 2 об., 5 об., 10, 12 об., 13 об.

[8]) Ibid. 5; 1 об., 3 об., 7, 11, 13.

чьскыя, вин. п. мн. ч. цѣловавѣ *тъ*(монаховъ), вижю *пътицѣ* перьнаты, глядаи *стьжицѣ* малы [1]);

Златоструй Императорской Публичной Библіотеки: род. п. ед. ч.: кыихъ грѣхъ *простыне* просити хощеши, из *иное* вьси, отступи отъ *землѣ*, единоя *днѣ*, не положи *еѣ*, капля *единое*, напълняться гумна *пшенице*, *днѣ* своея, отъ дше, отъ *землѣ*, отъ *пустынѣ*, бес *пользѣ*, корени *ее*, у *куще*, отъ своея *воле;* им. п. мн. ч. къде *рабыне* почивають; вин. п. мн. ч. за *свое* дѣти [2]);

Сборникъ поученій: родит. п. ед. ч. отъ цркве *бжиѣ*, им. п. мн. ч. *чашѣ* срѣбрьны, винит. п. мн. ч. *повалушѣ* испьсавъ, разлучиша *мужѣ* отъ женъ, роняху *крупицѣ* [3]);

Торжественникъ Императорской Публичной Библіотеки родит. п. ед. ч. ис *тьмницѣ*: винит. п. мн. ч. изведи три *муже* [4]);

Ярославскій списокъ Пандектъ Никона Черногорца: род. п. ед. ч. ис *келіе*, *келіе своее*, уста *ее*, до *земле*, отъ *другое*, съвлещи *тоѣ самоѣ срачицѣ* [5]);

Патерикъ Синайскій: род. п. ед. ч. не имущю *херотоніѣ*; вин. п. мн. ч. поимаше *свое* волы [6]);

Изъ этихъ памятниковъ — Мстиславово Евангеліе и обѣ грамоты писаны несомнѣнно въ Новгородѣ, тамъ же писаны Стихирарь и Патерикъ, какъ показываетъ взаимная смѣна *ц* и *ч*, а также вѣроятно, Златоструй, Сборникъ поученій и Пандекты; южной Руси несомнѣнно пранадлежитъ только Галицкое Евангеліе; мѣсто написанія остальныхъ памятниковъ на основаніи имѣющихся у насъ данныхъ нельзя опредѣлить.

---

[1]) Поповъ, Библіографическіе Матеріалы, I, 44, 45; 43, 45; 42, 43, 44.

[2]) Малининъ, Изслѣдованіе златоструя по рукописи XII вѣка 267—268.

[3]) Извѣстія, X; 561, 548, 550, 561, 563.

[4]) Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, XXXII, 25.

[5]) Ibid. LV, 220, 224, 230.

[6]) Ibid. LXXXII, 63, 62.

XIII вѣкъ.

Толковый Апостолъ 1220 года: род. п. ед. ч. *пищѣ*, развѣ *пищѣ* ти *одеж҃ѣ*, *нужѣ*, *вечерѣ*, *обьще*, до *пятьдесятьнице*, без *волѣ* б҃іе, *земле;* имен. п. мн. ч. *тьмницѣ*, *блудьницѣ*, *еликьскыѣ любодѣицѣ*, *чашѣ* б҃іѣ заповѣди; вин. п. мн. ч. *творцѣ*, *учителѣ*, *князѣ*, *строителѣ*, *дѣлателе*, *е* (=ѩ) [1];

Договоръ Смольнянъ съ Ригою послѣ 1230 года: род. п. ед. ч. безъ его *воле*, у *судье*, у *вольное* жены, до *нее* ис *которое земле*; винит. п. мн. ч. будуть розбоиници,— выдачи *е*, мнѣ *е* (гостей) пущати, про *свое муже* и про *свое* Смолняны [2];

Новгородсяая грамота 1257—1263 года: родит. п. ед. ч. что ся учинило *тяже*, *иное* грамоты у нас нѣтуть [3];

Грамота литовскаго князя Гердена 1264 года: род. п. ед. ч. отъ *тое* земли [4];

Новгородская грамота 1265 года: род. п. ед. ч. отъ *лодье*, суждальской *земле*, не рядити; имен. п. мн. ч. волости *новгородьскые*; вин. п. мн. ч. *судье* не слати [5];

Новгородская грамота 1270 года: род. п. ед. ч. отъ посадника *Павше*, оть *лодье;* винит. п. мн. ч. *свое* грамоты подаялъ еси, *старые* (грамоты) оправливати, про *купче новгородьскые* [6];

Новгородская Кормчая 1282 года: родит. п. ед. ч. из *нѣволѣ* г҃ гривны *продаже*, не дати *воле*, от *городне*, *задницѣ* не имати [7], не терпя *нужныѣ* работы, *житіискѣ*

---

[1] Воскресенскій, Древне-славянскій переводъ Апостола 56—57.

[2] Извѣстія, X, 601, 602, 603; 600, 602, 603.

[3] Русско-Лив. Акты, 9.

[4] Ibid. 13.

[5] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ I, 1—2.

[6] Ibid. 3—4.

[7] Русскія Достопамятности, I, 32, 33, 45, 54.

печали не любя [1]); имен. п. мн. ч. *чье* куны, *княже* куны, *робье* дѣти; виннт. п. мн. ч, по *своѣ* куны, крадеть *свинье*, будуть дъчери..., — даяти часть на *нѣ*, ты *тяже все* судять [2]), *искусныѣ* ризы, на *онучѣ*, все дни [3]);

Смоленская грамота 1284 года: род. п. ед. ч. при докончаньи грамоты *сее* [4]);

Поученія Ефрема Сирина до 1288 года: род. п. ед. ч. въ лѣто *семое тысящѣ* [5]);

Псалтырь 1296 года: родит. п. ед. ч. *б҃олюбивые сее* жены [6]);

Патерикъ Скитскій 1296 года: род. п. ед. ч. съвлещи *тоѣ самоѣ срачицѣ* [7]);

Грамота Рижанъ къ Витебскому князю Михаилу Константиновичу около 1300 года: родит. п. ед. ч. отъ *своіе братье*, мы *вашее братье* не обидѣли, безъ *виньное* вины, своего брата *душе* постерега, тобе было *тое* обиды постеречи, не отложишь *всякое* неправды; винит. п. мн. ч. есть миръ доконцанъ межи *земле*, *дѣтыные свое* пославъ, послали *свое коне*, *тые коне* обизрелъ, мы *свое* обиды не положимъ [8]);

Галицкій списокъ Евангелія: род. п. ед. ч. не имѣша *зм҃лѣ* многы, *ст҃ое Анастасье*, *м҃чнцѣ*, *пр҃рчьцѣ*, *Огафье*, *Евдокье*; им. п. мн. ч. приидоша *птицѣ* нбсныа, жены ...*бывше* рано у гроба.... *г҃люще*.... *видѣвше* [9]);

Духовная новгородца Климента: вин. п. мн. ч. жена моя пострижеться въ *чернице* [10]);

---

[1]) Калайдовичъ, Паматники россійской словесности, XII вѣка, 103, 104.

[2]) Рус. Достопамятности, I, 47, 54; 32, 37, 43, 52.

[3]) Калайдовичъ, о. с. 102, 103, 109.

[4]) Извѣстія, X, 629.

[5]) Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки, VI, 144. (Записки Ак. Н. XII, 2).

[6]) Буслаевъ, Истор. Хрест., 84.

[7]) Ibid. 413.

[8]) Извѣстія, X, 634—636.

[9]) Срезневскій, Свѣд. и зам., LXIX, 431, 434.

[10]) Ibid. XXXV, 38—39.

Финляндскій Прологъ: родит. п. ед. ч. до *вѣкшѣ*, отъ *опитьмiв*, отъ *тьмницѣ* [1]);

Сборникъ Императорской Публичной Библіотеки: род. п. ед. ч. отъ *палѣе*; имен. п. мн. ч. *овцѣ*, *пьяницѣ* кличють [2]);

Изъ вышеназванныхъ памятниковъ значительная часть приходится на долю сѣверной Руси, именно: три грамоты, Кормчая, Духовная и Псалтырь принадлежатъ Новгороду, двѣ грамоты — Смоленску, Патерикъ — Суздалю; на долю южной Руси приходятся Поученія Ефрема Сирина и Галицкій списокъ Евангелія. Затѣмъ Рижская грамота писана новгородскимъ нарѣчіемъ, какъ показываетъ смѣна *ц* и *ч*, а сборникъ писанъ гдѣ нибудь въ сѣверной Руси, какъ показываетъ слово *здѣ*. Мѣсто написанія Апостола по имѣющимся у насъ даннымъ нельзя опредѣлить.

XIV вѣкъ.

Смоленская грамота 1300 года: родит. п. ед. ч. *тоѣ* любви [3]);

Новгородская грамота 1305—1308 года: вин. п. мн. ч. *судьѣ* слати *свое* [4]);

Новгородская грамота 1307—1308 года: вин. п. мн. ч. за *нѣмцѣ* [5]);

Поликарпово Евангеліе 1307 года: род. п. ед. ч. отъ *смоковницѣ*; вин. п. мн. ч. въ *свиньѣ* [6]);

Южно- и западно-русскіе акты:

1) 1350 года: род. п. ед. ч. безо *всакоѣ* хитрости, отъ Покрова Бцѣ; вин. п. мн. ч. есмы дали *своѣ* печати.

2) 1359 года: род. п. ед. ч. купилъ дѣдицтво панъны

---

1) Ibid. XLI, 30.

2) Лавровскій, Описаніе семи рукописей Имп. Публичн. Библіотеки, 18, 22.

3) Русско-Лив. Акты, 23.

4) Собраніе гос. грамотъ, I, 7.

5) Ibid. 14.

6) Буслаевъ, Историч. Хрестоматія, 104, 100.

Радивонъковоѣ дѣднину *ее* и вотнину отца *ее*, унукомъ *ее*, племеню *еѣ*, староста *русскоѣ* земли;

3) 1366 года: родит. п. ед. ч. у брата его *Захарьѣ*, старостою *русъкое* знмли [1]);

Грамота Олега Разянскаго послѣ 1356 года: родит. п. ед. ч млтвою *стое* Бци, манастырь *стое* Бци, изъ отчины изъ *своее* [2]); и др.

Изъ этихъ памятниковъ одни принадлежатъ Новгороду, другіе—Смоленску, третьи—Рязани, четвертые—южной Руси. Къ южно-русскимъ принадлежитъ и Поликарпово Евангеліе, какъ показываютъ слова *камѣнье, вчѣнье, рожьнье* съ *ѣ*, а не съ *е* [3]).

Формы, подобныя вышеприведеннымъ, продолжаютъ встрѣчаться въ сѣверно-русскихъ памятникахъ XV—XVII вѣка, но въ род. п. ед. ч. ихъ имѣютъ: часто—мѣстоименія и прилагательныя женскаго рода и рѣдко — существительныя; въ именит. и винит. п. мн. ч. ихъ имѣютъ: часто—мѣстоименія и прилагательныя всѣхъ родовъ и очень рѣдко—существительныя. Причины такого измѣненія въ употребленіи этихъ формъ заключаются въ слѣдующемъ.

1) Имена съ основою на jȃ, вслѣдствіе вліянія на нихъ именъ съ основами на ȃ (*жена*) и на i (*кость*), мало по малу стали усваивать себѣ окончанія этихъ послѣднихъ, какъ въ формахъ другихъ падежей, такъ и въ формахъ род. п. ед. ч. и им.-вин. мн. ч., которыя такимъ образомъ стали оканчиваться на *и* или (рѣдко) на *ы*. Въ словахъ на *ца* и *за* (первоначально *ця* и *зя*, такъ какъ *ц* и *з* были въ древнѣйшій періодъ мягкими звуками), *ы* въ род. п. ед. ч. и им.-вин. мн. ч. явилось очень рано, вмѣстѣ съ

---

[1]) Головацкій, Памятники дипломатическаго и судебно-дѣлового языка русского въ древнемъ галицко-володимирскомъ княжествѣ въ XIV и XV столѣтіяхъ, 4—6.

[2]) Извѣстія, X. 678—680.

[3]) Буслаевъ, Матеріалы, 30—31; Потебня, Отчетъ о 20-мъ присужденіи Уваровскихъ наградъ, 800—801.

отвердѣніемъ *ц* и *з*; въ Архангельскомъ Евангеліи 1092 г. мы находимъ род. п. ед. ч. *пользы*, имен. п. мн. ч. *вьдовицы* [1]), въ Златоструѣ XII вѣка родит. п. ед. ч. *пользы* [2]). Достовѣрные примѣры замѣны падежныхъ окончаній основъ на jâ падежными окончаніями основъ на *â* и *ĭ* явились въ памятникахъ позже, но и они восходятъ уже въ XIII вѣку; мы находимъ: Духовная Новгородца Климента XIII вѣка: дат. п. ед. ч. кланяюся игумену и всеи *братье* [3]); Духовная Ивана Калиты 1328 года: родит. п. ед. ч. *княшни* моее [4]); Договоръ Симеона Гордаго съ братьями 1341 года: род. п. ед. ч. *княшни*, дат. п. ед. ч. *братьѣ* [5]); Духовная Симеона Гордаго 1353 года: род. п. ед. ч. своее *купли* [6])· грамота Олега Рязанскаго послѣ 1356 года: род. п. ед. ч. стое *Бци* [7]); Лаврентьевскій списокъ лѣтописи 1377 года: по *землѣ*, на *каратѣ*, бес *купли*, в цркви стго *Ильи*, понесѣте ны в *лодѣ*, чюжея *земли* ищеши, собрася *братьи*, ископаша печеру и *кѣльи* и др. [8]); Апостотъ XIV вѣка: стыа *Пятницы*, стыа *Софеи* (ibidem *абладомъ*) [9]). Въ XV вѣкѣ именныя формы род. п. ед., им.-вин. мн. ч. на *и*, *ы* употребляются наравнѣ съ формами на *ѣ*, *е*; въ XVI и XVII вѣкахъ первыя уже значительно преобладаютъ надъ послѣдними.

2) Съ XIV вѣка мы начинаемъ замѣчать въ сѣверно-русскомъ языкѣ отпаденіе конечнаго чистаго гласнаго иногда послѣ другихъ мягкихъ согласныхъ, но особенно часто послѣ j, который въ этомъ случаѣ иногда не употребляет-

---

[1]) Журн. Мин. Н. Пр. 1878 г., X, 186.

[2]) Малининъ, Изслѣдованіе Златоструя. 284.

[3]) Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки, XXXV, 38.

[4]) Собраніе госуд. грамотъ, I, 32.

[5]) Ibid. 36.

[6]) Ibid. 38.

[7]) Извѣстія, X, 678—679.

[8]) Повѣсть временныхъ лѣтъ по лаврентьевскому списку, 4, 21, 23, 27, 30, 39, 105.

[9]) Воскресенскій, Др. слав. Апостолъ, 177.

ся графически. Именно мы находимъ: Новгородская грамота 1375 года: *учинилось* [1]); 1-ая Новгородская лѣтопись XIV вѣка: *явитись* [2]); Евангеліе XIV вѣка, *блюдитесь* [3]); Договоръ Риги съ Полоцкомъ 1405 года: *надеючесь* [1]), гдѣ *сь* произошло изъ *ся*; Новгородская грамота 1396 года: за *Олекслевои* пецатью, гдѣ *и*=*й*=j произошло изъ *ю*; та же грамота: не поминати *то* грамотѣ [5]), Полоцкая грамота 1465 года: *ваше* милости слуга [6]), гдѣ *то, ваше* надо читать *той, вашей;* конечный j произошелъ здѣсь изъ *ѣ, е*: *той* изъ *тоѣ, тое.* Изъ разсматриваемыхъ нами формъ отпаденіе гласнаго замѣчается только въ формахъ род. п. ед ч. членныхъ прилагательныхъ и мѣстоименій, но не всегда.

3) Уже въ праславянскомъ языкѣ произошло смѣшеніе именительнаго п. мн. ч. основъ на â и jâ съ винит. п. мн. ч., кончившееся совершеннымъ исчезновеніемъ формъ имен. п. мн. ч. Въ сѣверно-русскомъ нарѣчіи (какъ и вообще въ славянскихъ языкахъ), смѣшеніе имен. п. мн. ч. съ винит. распространилось на основы на j*a* и ĭ (муж. р.) и замѣчается уже въ XIII вѣкѣ: грамота литовскаго князя Гердена въ Ригу послѣ 1264 года: им. п. мн. ч. тие *люди* [7]); Новгородская Кормчая 1282 года: *люди* вылѣзуть [8]); грамота Рижанъ около 1300 года: горожяне...., *которыи* были [9]), Ирмолой Новгородско-Софійской библіотеки XIII вѣка: *отроцы* отъ пещи избавивъ [10]). Въ XIV вѣкѣ это смѣшеніе уже не рѣдкость: Новгородская грамота 1317 г.: им. п. мн. ч. вси *талщи кы,* вин. п. мн. ч. *мои* недругы; грамота Олега Рязанскаго послѣ 1356 г.: имен. п. мн. ч.

---

1) Собраніе госуд. грамотъ, I, 21.
2) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, III, 39.
3) Извѣстія, VI, 280.
4) Русско-Лив. Акты, 119.
5) Ibid. 86.
6) Idid. 203.
7) Ibid. 13.
8) Русск. Достопамятности, I, 42.
9) Извѣстія, X, 133.
10) Ibid. VI, 37.

си вси *погосты, ямьщики* [1]); новгородская грамота 1373 г.: взялѣ у насъ товаръ *разбоиники* [2]); Договоръ Новгорода съ Ганзою 1392 г.: им. п. мн. ч. *послы* заморьскѣ [3]); новгородская Минея XIV в.: им. п. мн. ч. вси полцы *рускыя* [4]); Палея XIV вѣка: им. п. мн. ч. *аг҃лы... престолы:...* серафими, суть же и служебніи дс҃и: *аг҃лы* облакомъ, *аг҃лы* росамъ [5]); Лаврентьевскій списокъ лѣтописи: пустити *воробьи,* нача *вои* совкупляти, послаша *лѣпшiѣ мужи,* удавиша кони (им. п.) *чл҃вци* (вин. п. [6]). Въ послѣдующее время для обозначенія именительнаго и винительнаго падежей мн. ч. стала употребляться одна и та же форма; эта форма въ основахъ на *а* и *і* (муж. р.) — форма винительнаго пад.: *труды, добры, гости, пути;* а въ основахъ на *ја*— форма именительнаго п.: *лучи, сини, твои.* Такимъ образомъ формы вин. п. мн. ч. муж. р. на *ѣ,* за исключеніемъ немногихъ случаевъ, вышли изъ употребленія.

4) Вышесказанное касается именъ существительныхъ, мѣстоименій и именъ прилагательныхъ нечленныхъ; что же касается до именъ прилагательныхъ членныхъ, т. е. состоящихъ изъ соединенія имени съ мѣстоименіемъ *и,* то они въ своей мѣстоименной части сохранили употребленіе и формы имен. п. мн. ч., и формы вин. п. мн. ч. независимо отъ того, какую форму имѣетъ ихъ именная часть. Такимъ образомъ явились четыре формы членныхъ прилагательныхъ мужск. р., употребляющіяся безразлично и въ значеніи имен. п., и въ значеніи вин. п. мн. ч.:

а) Формы, состоящія изъ имен. п. мн. ч. имени и мѣстоименія, напр.: *прочіи* (Варяги) идоша Црюграду, князи изымахомъ *лѣпшіи* [7]).

---

[1]) Извѣстія, X, 679.
[2]) Русско-Лив. Акты, 76.
[3]) Ibid. 87.
[4]) Извѣстія, VI, 293.
[5]) Ibid. X, 665.
[6]) Повѣсть вр. лѣтъ по Лавр. сп. 33, 37, 43, 46.
[7]) Ibid. 49, 164.

б) Формы, состоящія изъ им. п. мн. ч. имени и вин. п. мѣстоименія: посла к Игорю *лучіѣ* боляре, послаша *лѣпшіѣ* мужи [1]);

в) Формы, состоящія изъ вин. п. мн. ч. имени и им. п. мѣстоименія: *мертвыи* срама не имамъ, сквозѣ *половечьскыи* вои [2]), и

г) Формы, состоящія изъ вин. п. мн. ч. имени и мѣстоименія: *безбожныѣ* сн҃ове измаилеви высѣкоша, срѣтоша *половечьскыѣ* князи [3]).

Членнымъ прилагательнымъ послѣдовали и членныя мѣстоименія.

5) Звуковое совпаденіе вин. п. мн. ч. именъ пралагательныхъ и мѣстоименій муж. р. съ вин. п. мн. ч. жен. р. повело къ употребленію формъ им. п. мн. ч. муж. р. вмѣсто формъ им.-вин. п. жен. р. Такимъ образомъ мы находимъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи: *врежаеми* бываютъ молитвы, ношаху сли печати *злати*, а гостье *сребрени*, *свои* главы сложимъ, зажгожа двери къ угу *устроеніи* [4]). Съ появленіемъ формъ им.-вин. п. муж. р. на *ыи* и *іѣ*, *іе*, при существительныхъ жен. р. стали употребляться и эти формы: Духовная Ивана Калиты 1328 г.: ѿчашки *круглыи* [5]); грамота Олега Рязанскаго послѣ 1356 г.:

---

[1]) Ibid. 20, 43.

[2]) Ibid. 42, 162. Подобныя формы, образовавшіяся, конечно, независимо итъ русскихъ, были и въ среднеболгарскомъ языкѣ: грамота Константина Асѣнія до 1278 года: *стыи* и *правовѣрьныи* ц҃ріе (здѣсь, впрочемъ, *ы* иногда=*и*), Срезневскій, Св... Зам., LXXXI, 14.

[3]) Ibid. 153, 162.

[4]) Ibid. 123, 23, 42. Подобное употребленіе формъ имен. п. мн. ч. муж. р. можно видѣть и въ древнѣйшихъ памятникахъ: Юрьевское Евангеліе 1118—1128 года: *были* силы (Амфилохій, Описаніе Юрьевскаго Евангеліе, 85), Прологъ XIII вѣка: о женахъ, да будутъ *молчаливи* (Лавровскій, Описаніе семи рукописей, 14), но приведенные примѣры могутъ имѣть другое объясненіе.

[5]) Собраніе гос. грамотъ, I, 32.

возрѣвъ есмь въ ...*ныи* грамоты [1]); Лаврентьевскій списокъ лѣтописи: нарицаху *лучьшѣ* жены [2]). Въ томъ же XIV в. имена и мѣстоименія средн. р. въ им.-вин. п. мн. ч. стали принимать окончанія именъ и мѣстоименій муж.-жен. р.: Духовная Ивана Калиты 1328 года: имен. п. мн. ч. *мыты, которыи*... (вмѣсто *мыта, которая*); Духовная Димитрія Донского 1371 года: села *княжи Ивановы* [3]) и друг. Въ XV вѣкѣ правильныя формы им.-вин. ср. р. прилагательныхъ и мѣстоименій существовали еще въ языкѣ, но въ XVI и XVII вѣкахъ они, по всей вѣроятности, были уже совсѣмъ вытѣснены изъ употребленія формами им.-вин. п. муж.-жен. р. и въ настоящее время сохраняются только въ самомъ незначительномъ числѣ: пок*а*, пот*а*, пок*а*мѣстъ, въ *та* поры (поры—род. ед. ч.) и т. п.

Такимъ образомъ формы мн. ч. на *ые*, *ѣ*, *іе* стали употребляться въ значеніи им.-вин. п. всѣхъ родовъ рядомъ съ формами на *ыи* и *іи*.

Въ настоящее время формы на *ѣ*, *е* сохраняются въ сѣверно-русскомъ языкѣ (=въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ) въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) въ родительномъ п. ед. ч, жен. р. мѣстоименій *и*, *тъ*, *весь*, *самъ*, *одинъ*: *ее*, *тое*, *всее*, *самое*, *одное*. Эти формы употребляются въ настоящее время въ значеніи нетолько род., но и вин. падежа [5]). Здѣсь конечный гласный мо-

---

[1]) Извѣстія, X, 679.

[2]) Повѣсть вр. лѣтъ по Лавр. сп. 117.

[3]) Собраніе гос. гр. I, 32.

[4]) Ibid. 51.

[5]) Начало употребленія формъ род. п. ед. ч. жен. р. въ значеніи вин. п. восходитъ къ тому же времени, къ какому восходитъ и употребленіе формъ род. п. муж. р. въ значеніи вин. п., т. е. къ праславянскому періоду. Мы находимъ: Успенскій Торжественникъ XII вѣка: умысли съзьдати цркъвь и съзьдавъ *ѣ*.... (Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, Чтенія, 1870, I, 12 об.), Лаврент. списокъ лѣтописи: видиши мя (Ольгу) *больное*

жетъ произноситься или какъ чистое *е*, или какъ *ё*. Точно опредѣлить, гдѣ произносятъ *е* и гдѣ *ё*, пока невозможно, но есть вѣроятіе, что формы *её* и т. п. особенно распространены въ сѣверно-велико-русскомъ нарѣчіи, хотя они извѣстны и въ южно-велико-русскомъ и въ бѣлорусскомъ: сѣв.-вр. нарѣчіе: Моложскій уѣздъ Ярославской губ. у *неё* [1]); Пошехонскій уѣздъ Яросл. губ. коса *её* [2]); Олонецкая губ. *тоё* [3]); Ковровскій уѣздъ Владимирской губ. со *тоё* тоски, *её* любить [4]): Шадринскій уѣздъ Пермской губ. сыновья *её*; увёзъ *іё*, отъ *іё* [5]); юж.-в.-русское нарѣчіе: московская губ. *её, тоё, всеё, самоё, одноё*; Симбирскій у. на *тоё* рѣку, *всеё* ночку [6]); Нижегородскій уѣздъ выпивалъ *её* [7]); Нижнедѣвицкій уѣздъ Воронежской губ. *тоё* косыньку [8]); бѣлорусское нарѣчіе: Ржевскій уѣздѣ Тверской губ. *яё* не взяли [9]); Виленскій уѣздъ Виленской губ. *яё* доля [10]); Дисненскій уѣздъ Виленской губ. *её* вода мыла [11]);

сущю (Повѣсть вр. лѣтъ, 40); точно также род. п. употребляется вмѣсто вин. въ средне-болгарскомъ, др. чешскомъ и дрв.-польскомъ языкахъ: ср. болг. Синаксарь 1330 г. пришьть кꙗ Захария, (Ламанскій, О нѣкоторыхъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ. Загребѣ и Вѣнѣ, 21); чешск. средневѣковые памятники: uzřěl jí *stojéce*, uzřě tváž *stojéce*, viděch dievku krev *ločúce*, slyšal ženu *plačúce* (Sbornik vědecký II, 105); дрпольс. памят: вин. п. ед. ч. *wszejǫ* (читай: wszeje), (Miklosich. Vgl. Gram. III, 440). Сравни серб. вин. п. ед. ч. жен. р. je.

[1]) Этнографическій Сборникъ, I, 143.

[2]) Ibid. II, 76.

[3]) Рыбниковъ, Пѣсни, IV, 298.

[4]) Смирновъ, Пѣсни крестьянъ Владимірской и Костромской губ., 11.

[5]) Пермскій Сборникъ, II, 164, 165.

[6]) Кирѣевскій. Пѣсни, I, 26; II, 61.

[7]) Ibid. II, 93.

[8]) Этнограф. Сборникъ, I, 261.

[9]) Ibid. 261.

[10]) Сборникъ памятниковъ народной поэзіи въ сѣверо-западномъ краѣ, 282.

[11]) Ibid. 229.

(Могилевская губ.?) расплесць *её* косицу [1]). Формы *ее* и т. п., повидимому, неизвѣстны въ сѣв.-великорусскомъ нарѣчіи; по крайней мѣрѣ мы не знаемъ объ ихъ существованія ничего достовѣрнаго; но за то они очень распространены въ южно-великор. и бѣлорусск. *ее, тое, одное, всее.*

2) въ родительномъ пад. ед. ч. жен. р. именъ прилагательныхъ: *доброе, добрые.* Въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ конечный гласный этихъ формъ звучитъ какъ *ё*, напримѣръ, въ ситскомъ говорѣ (Моложскій уѣздъ Ярославской губ.) безъ *великіё* безъ милосци, отъ *разумныё* матушки, середзи дороги *широкіё* [2]); въ южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ онъ звучитъ или какъ *и*, или какъ *я*; впрочемъ есть указанія, что онъ звучитъ иногда и какъ *е*; въ пѣсняхъ, записанныхъ въ Пинскомъ уѣздѣ мы находимъ: до *новое* стайни [3]); ср. въ пѣсняхъ изъ Лидскаго уѣзда Виленской губ. три бочки *пшеничнае* муки, двѣ бочки *криничнае* воды, съ *повнае* барелачки [4]).

3) въ именительномъ-винительномъ мн. ч. мѣстоименія *мой, твой, свой, чей* всѣхъ родовъ. Эти формы извѣстны въ великорусскомъ и въ бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ: сѣв.-в. русское нарѣчіе: Ковровскій уѣздъ Владим. губ. заводы вы *мое* фабричные, *мое* горемычные, *свое* руки [5]), Моложскій уѣздъ Ярослав. г. за *свое* руки, *свое* уста [6]); Каргопольскій уѣздъ Олонец. губ. *чье* [7]); бѣлорусское нарѣчіе: *твое* кони, *мое* рыболовы, *мое* ручки, *свое* вядзерцы [8]); въ южно великорусскомъ нарѣчіи эти формы находятся въ рав-

---

1) Записки Имп. Русскаго Географическаго общества по отдѣлу этнографіи, V, 167. (Сборникъ г. Носовича).

2) Этнограф. Сборникъ, I, 153, 158, 161. Сравни Колосовъ, Зап: Ак. Н., XXX, I, 52.

3) Безсоновъ. Бѣлорусскія пѣсни, 72.

4) Этнограф. Сборн., I, 289, 291.

5) Смирновъ, Пѣсни, 23, 79.

6) Этнограф. Сборн., I, 144, 160.

7) Колосовъ, Записки Ак. Н., XXVIII, II, 41.

8) Безсоновъ, Бѣлор. пѣсни, 18, 35, 38.

номъ употребленіи съ формами *мои, твои, свои, чьи.* Надо замѣтить, что конечный гласный въ нихъ звучитъ всегда какъ чистое *е.* Сверхъ мѣстоименій *мой* и пр. формы на *е* имѣютъ мѣстоименія *весь* и *сь* : *всѣ, сѣ* (въ выраженіи: и тѣ и *сѣ*), употребляющіяся во всѣхъ говорахъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ.

4) въ именительномъ-винительномъ мн. ч. именъ прилагательныхъ всѣхъ родовъ: *добрые, синіе.* Въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ конечный гласный этихъ формъ звучитъ какъ *ё.* въ ситскомъ говорѣ: голубушки *милыё, любезныё* мои; *совѣтныё*, столы *дубовыё*, поля *цыстыё* [1]); въ шенкурскомъ: вереюшки *дубовыё*, грядочки *таловыё*, петелки *шелковыё*, слуги *вѣрныё* [2]), въ другихъ же говорахъ онъ звучитъ какъ чистое *е* [3]). Въ говорахъ южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ онъ произносится какъ *я* и *и*; въ пинскомъ говорѣ, часто сохраняющемъ гласные звуки въ древнѣйшемъ видѣ, онъ иногда звучитъ какъ *е*: волы *половые*, сохи *золотые*, яремца *буковые* [4]).

Сверхъ того, въ великорусскомъ нарѣчіи сохранились скудные остатки формъ на *ѣ, е* род. п. ед. ч. им.-вин. п. мн. ч. именъ существительныхъ мужескаго и женскаго рода. Что касается до первыхъ формъ, то какъ ни мало у насъ свѣдѣній объ нихъ, однако можно сказать навѣрно, что они хотя и въ незначительной части, но все таки существуютъ и въ сѣверно- и въ южно-в. русскомъ нарѣчіи онежск. отъ *Добрынѣ* [5]), москов. у *свиньѣ*, вокругъ *землѣ* и т. п. О существованіи въ великорусскомъ нарѣчіи формъ им.-вин. п. мн. ч. на *ѣ, е* мы заключаемъ изъ формы *коне*) (им. п. мн. ч), употребляющейся въ катунскомъ говорѣ (Балахнинскаго уѣзда Нижегородск. губ.) [6]). Въ большомъ

---

1) Этнограф. Сбор., 145, 147, 156.
2) Кирѣевскій, Пѣсни, V, 132; VI, 96.
3) Колосовъ, Зап. Ак. Н., XXVIII, II, 25.
4) Безсоновъ, Бѣлор пѣсни, 73.
5) Гильфердингъ, Онежскія Былины, 847.
6) Нижегор. Сбор. III, 155.

употребленіи находятся они въ бѣлорусскомъ нарѣчіи: Виленск. губ. *огне* кладуць, *дажджe* дробные [1]), Пинск. уѣздъ *ратае* твое, *подвое* твое [2]).

Въ южно-русскомъ (малорусскомъ) нарѣчіи съ формами на *ѣ*, *е*, произошло слѣдующее: основы на *â* и *i* въ род. п. ед. ч. и им.-вин. мн. почти не оказали вліянія на основы на j*â*; конечный гласный въ родит. п. ед. ч. членныхъ прилагательныхъ жен. р. отпалъ здѣсь лишь въ немногихъ случаяхъ; замѣна формъ им. п. мн. ч. формами винит. п. произошла во всѣхъ именахъ и мѣстоименіяхъ, кромѣ немногихъ исключеній; формы им.-вин. п. мн. ч. именъ прилагательныхъ средняго рода (какъ и въ сѣверно-русскомъ нарѣчіи) исчезли; но за то древнее *ѣ*, *е* въ большей части говоровъ замѣнилось мягкимъ *i*. Когда именно имѣла мѣсто эта замѣна, нельзя сказать; можно однако предположить, что въ галицкомъ говорѣ, гдѣ разсматриваемыя нами формы теперь оканчиваются только на *i*, во второй половинѣ XIV вѣка конечный гласный звучалъ еще близко къ *е*: галицк. актъ 1359 года: дѣднину отца *ее* [3]), хотя іb. староста русскоѣ *земли*.

Такимъ образомъ въ современныхъ южнорусскихъ говорахъ мы находимъ древнія формы на *ѣ*, *е* въ слѣдующемъ видѣ:

1) Формы род. п. ед. ч. жен. р. а) именъ существительныхъ: украинско-галиц. *землі*, *душі*, сѣдлецк. *землје*, *душје* [4]); б) им. прилагательныхъ: укр.-галиц. *доброі*, *старшоі*, волынск. *доброје*, *старшоје* [5]), и в) мѣстоименій: укр.

---

[1]) Этнограф. Сбор., III, 205, 210.

[2]) Безсоновъ, Бѣлор. пѣсни, 72, 73.

[3]) Головацкій, Памятники, 5, 6.

[4]) Житецкій, Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 309.

[5]) Труды этнограф.-статистической экспедиціи въ юго-западный край, II, 173 (*старшоје*).

галицк. *ії*, *јеі*, *тоі*, сѣдлецк. *јіје*, *тоје* [1]); эти послѣднія формы употребляются и въ значеніи винительнаго падежа; и

2) Формы именительнаго-винительнаго пад. мн. ч. а) именъ существительныхъ муж. и жен. р.: укр.-галицк. *сухарі*, *землі*, сѣдлецк.-заблудовск. *сухарје* [2]), *землје* [3]); б) им. прилагательныхъ всѣхъ родовъ: укр.-галицк. *добриі*, *добрії*, сѣдл.-волынск.-заблудовск. *добрије* [4]), и в) мѣстоименій всѣхъ родовъ: укр.-галицк. *моі*, *твоі*, *своі*, *всі*, сѣдл. волын.-заблуд. *моје* [5]) и пр. *всје* [6]).

Формы на *ѣ*, *е*, встрѣчаемыя и въ древне-русскихъ памятникахъ, и въ современномъ русскомъ языкѣ уже давно обратили на себя вниманіе ученыхъ.

Наиболѣе научное мнѣніе объ нихъ высказано г. Бодуэномъ-де-Куртенэ. Оно сводится къ тому, что русскія формы род. п. ед. ч. на *ѣ*, *е* обязаны своимъ происхожденіемъ морфологической ассимиляціи и что древнѣйшее окончаніе этихъ формъ уступило мѣсто окончанію род. п. ед. ч. основъ на согласную и *ŭ*: *матере*, *кръве*, *камене*, *словесе* [7]). Съ этимъ мнѣніемъ однако нельзя согласиться по слѣдующимъ причинамъ.

1) Слова съ основною на согласную и *ŭ* были въ славянскомъ языкѣ настолько малочисленны сревнительно со словами, имѣющими еснову на *jâ*, что не могли оказывать вліянія на эти послѣднія.

2) Они издавна стали слѣдовать склоненію основъ на *і*, какъ въ другихъ падежахъ (*матерыѧ*, *кровыѧ*, *словесьмь*),

---

[1]) Житецкій, Очеркъ, 304 (*јіје*).
[2]) Ibid. 300.
[3]) Труды этн.-стат. эксп. IV, 251 (*свјецје*).
[4]) Ibid. 264 (*воронијe*), 242 (*добрије*); Этнограф. Сборникъ III, 95 (*половыје*).
[5]) Этнограф. Сборникъ, ibid., 92 (*своје*), 95 (*моје*).
[6]) Житецкій, Очеркъ, 299; Труды IV, 221.
[7]) Филологическія Записки 1880 г., V, 10 (библіографія).

такъ и род. п. ед. ч., который уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка нерѣдко оканчивается на *и*: Архангельское Евангеліе 1092 года: *крови* [1]); Пандекты Антіоха XI вѣка, злата и *камени* [2]). Слова Григорія Богослова XI вѣка: *словеси, небеси* [3]); Златоструй XII вѣка: *словеси, тѣлеси, имени, отрочати* [4]) и т. п.

3) Если даже допустить, что въ род. п. *земле е* перешло изъ формъ *матере* и др., то какъ объяснить *е* въ вин. мн. ч. *муже*, при формахъ *матери, камени, словеса*? Отвѣта на этотъ вопросъ г. Бодуэнъ-де-Куртенэ не даетъ.

Г. Потебня, говоря о бѣлорусскихъ формахъ имен. п. мн. ч. *мае* дзѣтки, *твае* ключи, замѣчаетъ: „*е* есть непосредственная замѣна ѧ“, „продуктъ чисто-звуковаго стремленія“ [5]), но впослѣдствіи взялъ назадъ слово „непосредственная“ и призналъ болѣе вѣроятнымъ, что *е* въ приведенныхъ бѣлорусскихъ формахъ примыкаетъ къ *я* изъ ѧ [6]).

Колосовъ высказался объ древне-русскихъ формахъ на *ѣ, е* въ томъ слыслѣ „на замѣну ѧ черезъ *ѣ* можно смотрѣть какъ на замѣну его черезъ *е*, явившееся однако не непосредственно изъ ѧ, а изъ его замѣны *я* черезъ перегласованіе“ [7]).

Что касается до „перегласованія“ *я* въ *е*, то въ ударяемыхъ слогахъ оно дѣйствительно существуетъ въ современномъ русскомъ языкѣ, но только въ нѣкоторыхъ говорахъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія: олонецк. *зеть, грезь чешша* [8]) (=*зять, грязь, чаща*) и в галицкомъ: *лежјети, конје, взјевъ* (=*лежати, коня, взявъ*), въ другихъ же говорахъ оно неизвѣстно. Можно считать исключеніемъ формы

---

[1]) Амфилохій, Описаніе Ев. 1092 г., 25.
[2]) Матеріалы для Словаря и грамматики, V, 186.
[3]) Будиловичъ, Изслѣдованіе, 15.
[4]) Малининъ, Изслѣдованіе Златоструя, 284.
[5]) Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка, 83, 84.
[6]) Къ исторіи звуковъ рус. яз., I, 10.
[7]) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка, 60.
[8]) Колосовъ, Записки Ак. Н. XXVIII, II, 43.

запречь, запрёгъ, трёсъ, вмѣсто *запрячь, запрягъ, трясъ,* но *е* въ этихъ формахъ вѣрнѣе объяснять, не прибѣгая къ „перегласованiю“; именно, оно могло явиться подъ влiянiемъ съ одной стороны формъ *запрягу́, трясу́,* гдѣ неударяемое *я* произносилось близко къ *е,* и съ другой—формъ какъ *берегу́—берёгъ, несу́—нёсъ.* Съ этимъ *е* можно сопоставить *о* въ великорусск. формахъ *пло́титъ, со́дитъ, то́щитъ* [1]), *по́льты,* явившееся подъ влiянiемъ съ одной стороны формъ *плачу́, сажу́, тащу, пальто́,* (въ окающихъ говорахъ *плочу́* и т. д.) и съ другой — формъ *ношу́—но́ситъ, прошу́—про́ситъ, кольцо́—ко́льца* (въ акающихъ говорахъ *нашу́* и т. п.). Въ древне-русскомъ языкѣ *е* изъ *я* не встрѣчается, если не принимать въ расчетъ такiе несомнѣнные болгаризмы какъ *гюнѣ* въ кѳ *Цр҃ѣ*-града (Остромирово Евангелiе [2]); зъля *вонѣ,* видить поряду *вьсѣ* проныренья врагъ (Пандекта Антiоха XI вѣка [3]); *дѣвицѣ, банѣ, вечерѣ* (им. п. ед. ч.). Слова Григорiя Богослова [4]) и др. Все это заставляетъ насъ отказаться отъ объясненiя разсматриваемыхъ нами формъ на *ѣ, е* изъ древнѣйшихъ на *я.*

Максимовичъ высказалъ мнѣнiе, что *ѣ* въ *моѣ* дѣти (Мстиславова грамота 1130 г.) и въ *мечѣ своѣ* (Договоръ Игоря съ Греками) есть нечто иное, какъ изображенiе звука *и.* [5]).

Г. Житецкiй отозвался объ формахъ на *ѣ, е* такимъ образомъ: „Извѣстно, что русскiй языкъ съ самаго начала своей исторiи не имѣлъ юсовъ, какъ не имѣлъ звука *ѣ,* и вотъ древне-русскiе писцы одну неизвѣстную имъ величину замѣняли другою, т. е. вм. ѧ писали *ѣ.* А такъ какъ въ древне-славянскихъ рукописяхъ они видѣли частое смѣшенiе *ѣ* съ *я,* такъ какъ съ другой стороны въ русскомъ

---

[1]) Форма *ко́титъ* сюда не относится. Въ ней *о* совершенно правильно: *котитъ* при *катать,* какъ *вскочитъ* при *скакать.*

[2]) Остомирово Ев. 238, 286 об.

[3]) Матерiалы для словаря и грам., VII, 17, 40.

[4]) Будиловичъ, Изслѣдованiе, 11.

[5]) Собранiе сочиненiй, III, 320.

языкѣ ѧ произносился какъ *я* (послѣ шипящихъ часто какъ *а*), то весьма могло быть, что первоначально въ этихъ формахъ *ѣ* означало *я* и потомъ, путемъ прогрессивной ассимиляціи, изъ *я* образовалось *йе*, слѣдоват. *ѣ*=ѥ“ [1]).

Объясненія этихъ авторовъ отличаются совершенною ненаучностью. Максимовичъ долженъ былъ знать, что рядомъ съ формами на *ѣ* въ памятникахъ древне-русскаго языка встрѣчаются и формы на *е*, которое никакъ нельзя считать графическимъ изображеніемъ звука *и*. Г. Житецкій также долженъ знать, что *ѣ*, какъ звукъ, существовалъ въ русскомъ языкѣ по крайней мѣрѣ до второй половины XIII вѣка, потому что переходъ *е* въ *о* послѣ мягкихъ согласныхъ, начавшійся въ русскомъ языкѣ въ это время, не распространился на *ѣ* (немногія великорусскія исключенія нельзя принимать въ расчетъ) и такимъ образомъ звуковое различіе между *ѣ* и *е* несомнѣнно существовало и для древне-русскихъ писцовъ *ѣ* небылъ „неизвѣстною величиною.“

Наконецъ г. П. Лавровскій объяснялъ появленіе *ѣ* въ формахъ род. п. ед. ч. *Софіѣ, пятницѣ* и т. п. „неопредѣленностью древняго носоваго звука ѧ, заключавшаго въ себѣ, вѣроятно, что-то среднее между *ян* и *ен*“ [2]). О достоинствѣ этого объясненія излишне распространяться.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію своего мнѣнія о формахъ на *ѣ, е,* мы должны рѣшить вопросъ о томъ, какимъ именно звукомъ они оканчивались. Мы видѣли выше, что гг. Бодуэнъ-де-Куртенэ, Потебня и Колосовъ стоятъ за *е*, Максимовичъ—за *ѣ;* на чьей сторонѣ правда?

Если мы обратимся къ древне-русскимъ памятникамъ, то увидимъ, что въ нихъ эти формы оканчиваются на *ѣ* несравненно чаще чѣмъ на *е*, такъ, въ числѣ примѣровъ, приведенныхъ нами изъ памятниковъ XI вѣка; одиннадцать

---

[1]) Очеркъ звуков. исторіи, 82.
[2]) О языкѣ сѣв.-русск. лѣтописей, 62.

имѣютъ *ѣ* и только два—*е*; въ числѣ примѣровъ изъ памятниковъ XII вѣка шестьдесять девять имѣютъ *ѣ* и только двадцать три—*е*, и т. п. Въ тѣхъ изъ памятниковъ, которые описаны въ мѣстностяхъ, гдѣ *ѣ* часто или рѣдко прозносилось какъ *и* или близко къ *и*, разсматриваемыя нами формы, кромѣ *ѣ* и *е*, оканчиваются иногда и на *и*:

Остромир. Евангеліе: въ *ѥдиныи* сѫботы=τῆς σαββάτων на погребени стыѧ *Бци*; сравни: стѣи мци *Василиси*, стымъ мкомъ Вавѵлѣ и *Ермiони* (вм. *Василисы*, *Ермiонѣ* [1]).

Златоструй XII вѣка: мѣры любъве *тои*; сравни *миру*=*мѣру* [2]);

Сборникъ поученій XII вѣка: *неизрекомыи* суть мукы, еппи *славныи* имены; сравни: *присптила*=*присѣтила* [3]).

Духовная новгородца Климента XIII вѣка: на *свои* рукы; сравни: со *всимь* моимь племенемь [4]).

Псалтырь 1296 года: по *еи* воли, от лица *земли*, въ бглюбивыя *мужи*; сравни: в *лици* стыхъ [5]).

Сюда же можно отнести: волѧ іеи творита въ Изборникѣ Святославовомъ 1076 года [6]), отъ рѫкы *твоѥи* въ Пандектахъ Антіоха XI в. [7]), *кънязи* нащѣ възъ... въ Кондакарѣ XII вѣка (ibidem *рачѣ*=*рацѣ*) [8]), нѣколику *братiи*, видѣша ключа *невреженыи* въ Успенскомъ Торжественникѣ [9]), неимѣнія дѣля глубины *земли* въ Юрьевскомъ Евангеліи 1118—1128 года [10]), стыя *мчци* Акѵлины въ Минеѣ XII

---

[1]) Остромирово Ев., 110, 228; 213 об. 214 об.

[2]) Малининъ, Изслѣдованіе Златоструя, 284.

[3]) Извѣстія, X, 553, 563, 555.

[4]) Срезневскій, Свѣд. и Зам., XXXV, 38, 39.

[5]) Буслаевъ, Истор. Хрестом., 84, 86; 91.

[6]) Ibid. 294.

[7]) Амфилохій, Описаніе Воскресенской Ново-іерусалимской библіотеки, 50.

[8]) Извѣстія, X, 516.

[9]) Чтенія 1879, I, 17 (Житіе Ѳеодосія Печ.); 1870, I, 13, об. (Сказаніе о Бор. и Гл.).

[10]) Амфилохій. Описаніе Юрьев. Ев., 62.

вѣка [1]), се въдале Варламе... *пожни*.... *пожни* и ловищя (им. п. ед. ч. *пожня*) въ Вкладной Варлаама Хутынскаго [2]), стыя мца *Фотиніи*, стго мчка *Андрѣи* (им. п. ед. ч. *Андрѣя*) въ Мстиславовомъ Еванг. до 1117 года [3]).

Изъ поименованныхъ памятниковъ значительная часть писана въ Новгородской области, другіе же (Изборникъ 1076 года) писаны въ южной Руси, въ мѣстностяхъ, гдѣ въ настоящее время обычно произношеніе *ѣ* какъ *и*.

Конечно, въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ примѣровъ *и* можетъ и не быть фонетической замѣной *ѣ*, но въ остальныхъ оно не можетъ имѣть другаго объясненія.

Если мы обратимся къ даннымъ современнымъ русскаго языка, то увидимъ слѣдующее:

Великорусскія и бѣлорусскія формы имен.-винит. п. мн. ч. *мое, твое, все* (=*всѣ*), *огне* и т. п., указываютъ на то, что конечный гласный звучалъ въ нихъ нѣкогда какъ *ѣ*, потомучто если бы онъ звучалъ какъ *е*, то на него распространился бы дѣйствующій во всемъ сѣверно-русскомъ нарѣчіи законъ перехода всякаго конечнаго *е* (изъ древнѣйшаго *е*) послѣ j и мягкихъ согласныхъ и подъ удареніемъ въ *о*.

На то уже указываютъ южно-великорусскія и бѣлорусскія формы род. п. ед. ч *ее*, *тое* и т. п. (не *её*).

На то же указываютъ всѣ малорусскіе рефлексы древнихъ формъ на *ѣ*, *е*: род. п. ед. ч. *землі* и *землје* и т. п въ нихъ *і* является въ двухъ говорахъ, гдѣ *ѣ* произносится всегда какъ *і*, а *је* въ тѣхъ, гдѣ *ѣ* произносится болѣе или менѣе часто какъ *је*. Замѣтимъ, кстати, что малор. *землі* не имѣетъ ничего общаго съ великор. *земли*. послѣдняя форма въ украинскомъ и галицкомъ говорахъ. звучала бы *земли*, съ твердымъ *и* на концѣ.

Если вышеуказанныя данныя единогласно говорятъ за

---

1). Извѣстія, VI, 47.
2) Ibid. X, 510.
3) Ibid. 127, 134.

ѣ, то имѣются данныя, говорящія и за *е*. Это сѣв.-русск. род.-вин. п. ед. ч, *её*, *тоё*, род. п. ед. ч. и им. мн. *добрыё*. Но эти формы, хотя они имѣютъ значительное распространеніе, тѣмъ не менѣе надо считать позднѣйшими, сравнительно съ *ее*, *добрые*, *её*, *тоё*, употребляясь въ значеніи вин. п. подчинились аналогіи такихъ формъ вин. п. ср. р., какъ *моё*, *твоё*, *своё*; сравни современ. новгород. чрезъ.... *ею*сѣнную каналью, на *ею* красу и т. п., гдѣ форма *ею* образовалась изъ формы *ее* или *её* по аналогіи *мою*, *твою*, *свою* и друг. [1]), что же касается до формъ *добрыё* и т. п., то находящемуся въ нихъ звуку *ё* не слѣдуетъ придавать особаго значенія: въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи *ѣ* подъ удареніемъ нерѣдко, а безъ ударенія часто звучитъ какъ *ё*; сравни: дѣло *повелёное* [2]), *медвёдка*, *ёствушка*, казна *несмётная* [3]) и другіе примѣры, приведенные Колосовымъ [4]).

И такъ, древне-русскія род. пад. ед. ч. и имен. мн. жен. р. и вин. мн. муж. р. оканчивались на *ѣ*.

Сравненіе русскаго языка съ другими славянскими показываетъ намъ, что разсматриваемыя нами формы не могутъ считаться спеціально-русскими и что они восходятъ къ праславянскому періоду.

Въ древнѣйшихъ памятникахъ польскаго языка имена и мѣстоименія въ род. п. ед. ч. жен. р. и им.-вин. мн. муж. и жен. р. [5]) имѣютъ окончаніе *je*: Precationes 1375

---

[1]) Новгородскій Сборникъ, III, 5. Нѣчто подобное произошло съ формою род. п. ед. ч, *její* и въ чешскомъ языкѣ: она получила значеніе притяжательнаго мѣстоименія 3-го лица и даже стала склоняться по образцу именъ прилагательныхъ, отъ нихъ, быть можетъ, она заимствовала и долготу конечнаго гласнаго.

[2]) Рыбниковъ, Пѣсни, I, 2, 3, 38, 115.

[3]) Ibid. I, 487; 251, 265.

[4]) Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей нар. рус. яз., 75.

[5]) Въ то время, къ которому относятся первые памятни-

года: tworziczel neba y *zeme*, z *dzenice Marie*, otpusczi *nasse* wini [1]); Флоріанская Псалтырь: do oblicza *zeme*, ne ostawisz *dusze* moiey, z *zeme*, garnecz *nadzeie* moiey, *palce moje* strogili sǫ szaltarz, zamǫcy *ie* (=ц. слав. ѩ), ti roztarglies *studne* [2]); Шарашпатацкая Библія: s *szemye*, oszlyǫtko, *oslycze* swej, do *czemnicze*, *winnicze* nye bǫdzes obrzazowacz, *owoce*.... gemi (им. п. ед. ч. *owoc*, муж. р.), uczynyl *suknye* koszane, stworzyl *je* (=ц. слав. ѩ), sǫ *dusze* zywe [3]). Эти формы сохраняются и донынѣ и въ самомъ польскомъ языкѣ (формы род. п. ед. ч. только въ народныхъ говорахъ) [4]); и въ близко родственномъ ему языкѣ кашебскомъ, въ которомъ мы находимъ: z *pjivnice*, z *jeje* żarka, běli gótove *nuożę*, běle stare *konie*, na *tônjce* [5]).

Конечное *je* въ приведенныхъ нами формахъ и имъ подобныхъ нельзя считать произшедшимъ изъ ѩ. Формы род. п. ед. ч. на ę въ народныхъ польскихъ говорахъ, даже тѣхъ, которые, подобно опольскому, описанному Л. Малиновскимъ, постоянно сохраняютъ въ чистотѣ конечный носовой гласный,—совершенно неизвѣстны; въ письменныхъ памятникахъ XV—XVI столѣтій они встрѣчаются, но въ высшей степени рѣдко; такъ, въ Флоріанской Псалтыри ихъ замѣчено только двѣ. Эти формы намъ представляются неболѣе, какъ ошибками или описками, ничѣмъ не отлича-

---

ки польскаго языка, въ немъ уже существовало употребленіе формъ вин. п. мн. ч. муж. р. въ значеніи им. п.

[1]) Archiv für Slavische Philologie IV, 191.

[2]) Psałterz królowéj Małgorzaty, wyd. staraniem hr. Dunina Bórkowskiego, 2, 7, 8, 33, 1, 2, 42.

[3]) Biblia królowéj Zofii, wyd. przez Małeckiego, 2, 44, 91, 3, 4, 6, 8.

[4]) Напримѣръ, въ опольскомъ говорѣ:
miłośnice, *studnie*, *kuźnie*. Malinowski, Beiträge zur Slawische Dialectologie, 23.

[5]) Гильфердингъ, Остатки Славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря 103, 91, 95, 119. Ср. Hanusz, O samogłoskach nosowych w narzeczu Słowińców Pomorskich, Kabatków i Kaszebów, 5, 22, 28, 40.

ющимися отъ тѣхъ, которыя мы находимъ напримѣръ въ Шарашпатацкой Библіи: *duszǫ* maa, *zemyǫ* nye wyrzucila, rǫka *przichodnyową* (им. п. ед. ч.), *kadzidlnicza* swǫ (вин. п. ед. ч.) [1]). Формы им.-вин. мн. ч. съ носовымъ гласнымъ въ исходѣ не встрѣчаются ни въ письменныхъ памятникахъ, ни въ современномъ народномъ языкѣ.

Въ языкѣ вымершихъ полабскихъ Славянъ, близкому къ польскому и въ особенности къ кашебскому, мы находимъ такія формы имен.-винит. п. мн. ч. *nüze* (цер. слав. *ножѧ*), *krągile* (ц. слав **крѫгылѩ*, нѣм. Krengel) *vüce* (ц. слав. *овьцѧ*), *vize* (ц. слав. *вѧжѧ*), *müje, tüje, süje* (ц. слав. *моѩ* и т. д.) [2]). Въ этомъ языкѣ носовые гласные постоянно сохраняются; слѣдовательно, приведенныя формы не могутъ происходить изъ формъ на ę.

Въ языкахъ верхне- и нижне-лужицкомъ, а равно въ языкѣ лужицкой Библіи 1548 года, русскому *ѣ*, церковнославянскому ѩ въ падежныхъ формахъ соотвѣтствуетъ *je*: в. и н. луж. родит. п. ед. ч. *role, zmije, jeje, mojeje*, Библія: *zeme, pokladnicze, teye, woneye, galileyskeye* [3]); вер. и ниж. луж. им.-вин. п. мн ч. *role, duše, je, moje*, Библія: *penyze, moie, twoie* [4]). Въ будишинскомъ и другихъ говорахъ, гдѣ древнему *ѣ* соотвѣтствуетъ теперь *і*, разсматриваемыя нами формы оканчиваются также на *і* [5]). Это обстоятельство указываетъ на то, что луж. *je* не произошло изъ *ja*=ѩ.

Въ чешскомъ языкѣ какъ древнемъ, такъ и новомъ, формы род. п. ед. ч. жен. р. и им.-вин. мн. ч. муж. и жен. р. оканчиваются на je; ихъ мы находимъ напрммѣръ, въ Легендѣ о св. Екатеринѣ XIV вѣка: род. п z svej *země*,

---

1) Biblia kr. Zofii, 42, 85, 93, 107.

2) Schleicher, Laut- und Formenlehre der Polabischen Sprachen, 226, 225, 252.

3) Archiv für Sl. Philologie I, 215, 237. 208.

4) Ibid. 216, 210.

5) Pful, Laut- und Formenlehre der oberlausitzisch-wendischen Sprache, 9.

jejie, tejto *chvíle*, им. п. sluhy, *ježto* sě mučie, вин. п. nade *vše krále*, ve *vše kraje*, mnohé *zémě* [1]). Тоже окончаніе мы видимъ и въ словацкомъ языкѣ: род. п. *zeme*, им.-вин. *zeme*, *moje*, *naše*. Такъ какъ ни въ чешскомъ, ни въ словацкомъ языкѣ разсматриваемыхъ нами формъ съ окончаніемъ *ja* не встрѣчается (памятники въ родѣ Краледворской рукописи, конечно, въ счетъ не идутъ) и такъ какъ, сверхъ того, въ словацкомъ языкѣ церковно-славянскому ѧ всегда соотвѣтствуетъ *ja*, *a* (только послѣ губныхъ *ä*), то поэтому приведенныя чешскія и словацкія формы не могутъ быть рефлексами формъ на ѩ.

Въ памятникахъ церковно-славянскаго языка формы род. п. ед. ч. и имен. мн. ч. жен. р. на *ѣ* (*я*, *а*) неизвѣстны. Формъ вин. п. мн. ч. намъ извѣстно только четыре, да и тѣ находятся въ такихъ памятникахъ, языкъ которыхъ уже переходитъ въ средне-болгарскій: Саввина Книга: *нищаѩ* всегда съ собоѭ имате; Слуцкая Псалтырь: уничижилъ еси *вьсѣ* отстѫпаѭщаѩ отъ правъдъ твоихъ, прѣстѫпъникы нопъщевахъ *вьсѣ* грѣшъныѩ земли; Евангельскіе Листы Ундольскаго: съвѧжѣте *ѣ* (плѣвелы) [2]). Въ средне-болгарскомъ языкѣ формы на *ѣ* (*я*, *а*), хотя и не часто, но встрѣчаются въ памятникахъ: Норовскій Стихирарь XI—XII вѣка: *неавьеныа* мѫдрости глѫбинѫ [3]), Грамота Іоанна Асѣня II послѣ 1218 г.: до *коя* либо *земѣ*, до... *Карвунъскыѣ* хоры, Симеона Неманѣ[4]); Октоихъ XIII в. юж.-сл. Ак. Наукъ: *тѫчѣ*, явишѧсѧ, исушивше всѧ *тѧчѣ*, сльзъ *тѫчѣ* даждь ли, *чтѫщаѧ* тѧ просвѣти, *поѭщаѧ* тѧ просвѣти, просвѣти... *поѭщаѧ* тѧ и *величаѭща*, облакы.... *точѧща* намь водѫ и *напаѣѭща*, слъзы пролѣимь *очищаѭща* скврьны, *поѭща* спсеши люди, слышахѫ *мироносица*, *конча* земныѩ

---

[1]) Život sv. Kateřiny, vydal Pečírka, 7, 9, 19, 49, 5, 11, 21.

[2]) Срезневскій, Памятники юсоваго письма, 74, 162, 194.

[3]) Ibid. 214.

[4]) Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки, LXXXI, 9, 15.

(=*коньцѧ*) [1]; Синаксарь XIII вѣка: *всея* землѧ [3]). Поученія Ефрема Сирина XIII — XIV вѣка: *всѣ* слабости; Сборникъ Севастьянова: разби вьсѧ сыжды и *стъклѣницѣ* [3]). Но остается вопросомъ, тождественно ли по образованію это средне-болгарское *ѣ* съ русскимъ, или оно представляетъ собою позднѣйшее, спеціально болгарское образованіе. Послѣднее, по нашему ммѣнію, вѣрнѣе. Въ памятникахъ церковно-славянскихъ и въ особенности средне-болгарскихъ мы встрѣчаемся нерѣдко съ замѣною ѧ-са *ѣ*·мѣмъ (*я*, *а*), и на оборотъ: Клоціева Глаголита: *распѣлъ* (=распѧлъ) [4]; Македонскій Листокъ: ѧмь (= *ѣмь*); Евангельскіе Листы Ундольскаго: *Гюріѧ* (род. п. ед. ч.) [5]; Евангеліе XII—XIII вѣка: *пѧтелъ* (=пѣтелъ), *мѣкькы* [6]; Сборникъ XIII вѣка: на *трьпѣзѧ* (мѣстн. п. ед. ч.), *лютѧ* (=*лютѣ*) [7]; Октоихъ XIII вѣка южно-слав. Академіи: *славлѣ* (=*славлѩ* = *славлѭ*), *авѣ* (*авѩ*=*авѭ*=*авлѭ*). *земѧ*, *бурѧ* (имен. п. ед. ч.) [8]; Хиландарское четвероевангеліе 1322 года: великаго *цра* [9]; Сборникъ 1348 года: *жрѣбѣ* (=*жрѣбѧ*) [10]; Служебникъ 1532 года: *прѣдстателѧ*, *рѣшителѧ* (род. п. ед. ч.), *сирѧ* [11]).

Въ ново-болгарскомъ языкѣ встрѣчаются формы множ. числа жен. р. на *я*: *къщтя* високи [12]); это *я*, можетъ быть тотъ же звукъ, что и ср. болг. *ѣ*.

---

[1]) Archiv für Slav. Phil, III, 343, 334.
[2]) Ламанскій, О нѣкоторыхъ рукописяхъ, 19.
[3]) Срезневскій, Пам. юсоваго письма, 398, 222.
[4]) Kopitar, Glagolita Clozianus, 13.
[5]) Срезневскій, Пам. юс. письма, 193, 195.
[6]) Ламанскій, О нѣк. рукоп., 325.
[7]) Starine, V. 50.
[8]) Archiv f. Sl. Phil., III, 339, 348.
[9]) Срезневскій, Пам. юс. п., 350.
[10]) Срезневскій, Свѣдѣнія и Зам., XXXVI, 45.
[11]) Плотниковъ, Средне-болгарскій служебникъ, 1552 года, 21, 40.
[12]) Періодическо Списаніе, 1870 г., I, 104.

Въ сербскомъ и словинскомъ языкахъ мы не знаемъ никакихъ слѣдовъ существованія разсматриваемыхъ нами формъ.

Родство русскихъ и западно-славянскихъ формъ на *ѣ* съ южно-славянскими на ѧ не можетъ подлежать сомнѣнію. Чередованіе ѧ и *ѣ*, восходящее къ праславянскому періоду, хотя и нечасто, но встрѣчается въ славянскихъ языкахъ: ц.-слав. *дрѧзга*, рус. *дрязга* и серб. *дриjезга*, пол. drzazga; русское *прямъ*, серб. *према*, словац. *priam*, (изъ **прѧм-*) и ц.-слав. *прѣмъ*, словинск. sprêmiti se; рус. *румянъ*, серб. *румен*, (изъ **румѧнъ*) и ц.-слав. *румѣнъ*, пол. rumiany, rumieniec, и т. п. Взаимное отношеніе ѧ и *ѣ* тождественно съ взаимнымъ отношеніемъ ѫ и *ы* въ ц.-сл. *иджить* и *иды*, *прѫжати* и *прыгати*, и русскіе формы *землѣ*, *мужѣ* одинаковы по образованію съ формами *жены*, *рабы*: какъ *ѣ* въ первыхъ, такъ и *ы* въ послѣднихъ одинаково восходятъ къ индо-европейскому *ân*, *an* и образовались черезъ опущеніе носоваго согласнаго предъ послѣдующимъ согласнымъ (s) и происшедшее отъ того удлиненіе краткихъ рефлексовъ индо-европ. *a* [1]). Не слѣдуетъ удивляться, что *ѣ* въ указанныхъ формахъ стоитъ послѣ j и мягкихъ согласныхъ: оно отличается по своему происхожденію и по качествамъ отъ *ѣ* изъ дифтонга *ai* и потому послѣ j и мягкихъ согласныхъ не замѣняется *и*, какъ въ мѣстномъ п. ед. ч.; оно отличается по своему происхожденію и по качествамъ и отъ *ѣ* изъ и.-европ. *â*, и потому послѣ j и мягкихъ согласныхъ не звучитъ какъ *а*. Не слѣдуетъ также удивляться и тому, что передъ нашимъ *ѣ* могутъ находиться и *ж*, *ч*, *ш*, и *з*, *ц*: какъ *ѣ* изъ *ai*, такъ и *ѣ* изъ *â* сами производятъ смягченіе гортанныхъ, а *ѣ* изъ *ân*, *an* въ *землѣ*, *мужѣ* находится только въ тѣхъ именахъ, которыя образованы при помощи суффиксовъ *ja*,

---

1) Ср. Schmidt, Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus, I, 80—88, 176—178.

jâ и въ которыхъ смягченіе гортанныхъ произведено j-мъ суффикса.

Само собою разумѣется, что *е* въ формахъ *матере, камене, иджште, учителе* по своему происхожденію не имѣютъ ничего общаго съ *ѣ* въ *землѣ, мужѣ.*

Намъ приходилось упоминать о вліяніи въ русскомъ языкѣ склоненія именныхъ основъ на *â* и *ĭ* женскаго рода на склоненіе именныхъ основъ на *jâ*, и мы указывали, что окончанія *и, ѣ* въ род. п. ед. ч., им.-вин. мн. *земли*, дат.-мѣстн. ед. *землѣ* перешли въ эти формы изъ формъ *жены, кости, женѣ,* Точно такое же вліяніе имѣло и склоненіе основъ на *a* и *ĭ* мужескаго рода на склоненіе основъ на *ja*: мѣстн. п. ед. *царѣ*, род. мн. *царей*, обязаны своимъ происхожденіемъ формамъ *рабѣ, гостей*. Начало этого вліянія относится къ XIII—XIV вѣку. Раньше началось вліяніе именныхъ основъ на *ja, jâ* на именныя основы на *a, â*, но въ русскомъ языкѣ оно не получило такого сильнаго развитія, какое мы видимъ въ языкахъ сербскомъ и словинскомъ, и ограничилось въ обще-русскомъ языкѣ сравнительно немногими формами. Слѣды этого вліянія—формы род. п. ед., и им. и вин. п. мн. ч. на *ѣ* и его рефлексъ *и* отъ основъ на *a, â* мы встрѣчаемъ уже въ первыхъ памятникахъ русскаго письма:

XI вѣкъ.

Изборникъ Святославовъ 1073 года: отъ дрьжимыя въ руцѣ челюсти *мрьтвѣ* [1]);

Архангельское Евангеліе 1092 года: въскрилѣ *ризѣ* юго (τοῦ ἱματίου). Сравни ibidem: въскриляя *ризъ* [2]);

XII вѣкъ.

Мстиславово Евангеліе до 1117 года: стыя мчнцѣ *Хрьстинѣ* [3]);

---

1) Извѣстія, X, 425.
2) Амфилохій, Описаніе Ев. 1092 г., 14, 15.
3) Извѣстія, X, 133.

Вкладная Варлаама Хутынскаго послѣ 1192 года: *ниви* и пожни и ловища [1];

XIII вѣкъ.

Новгородская грамота 1270 гооа: у *Кюрили* [2];

Новгородская Кормчая 1282 года: по полу *гривнѣ*, полъ *гривнѣ* [3];

Духовная новгородца Климента д҃ *гривне*, г҃i *ногате*, полъ *гривне*, у *козѣ* [4];

XIV вѣкъ.

Новгородскія грамоты:

1317 года: *Андрѣевѣ* дѣти, на *порукѣ*, пословѣ *Михайловѣ* [5];

1318 года: пословѣ *Махайловѣ чёловалѣ* крестъ [6];

1392 года: смотрѣвъ въ *грамотѣ* в *старѣи* въ *заморьскѣи* въ *хрестнѣи* и въпасъ свон, миръ опришънии и *грамотѣ* опришьнии, не поминати то (=той) *грамотѣ*, до *Михайлѣ*, нѣтъ *измѣнѣ* [7];

Евангеліе 1355 года: аще будемъ грубо написали или кдѣ *переступилѣ* [8];

Лаврентьевскій списокъ лѣтописи: выволокоша *рыболове* [9];

Служба Іоанну Златоусту 1380 года: написанъ бы҃ молитвенникъ сии рабу б҃ию попу ерѣю Микулѣ стго *Николѣ* [10];

---

1) Ibid. 510.
2) Собраніе гос. гр., I, 4.
3) Рус. Достопамятности, I, 37, 50.
4) Срезневскій, Свѣд. и За., XXXV, 39.
5) Собраніе гос. гр. I, 15, 16, 17.
6) Ibid. 22.
7) Рус.-Ливонскіе Акты, 86—87.
8) Буслаевъ, Матеріалы, 31.
9) Повѣсть врем. лѣтъ, 110.
10) Извѣстія, X, 685.

Псалтырь Новгородскаго Софійскаго собора: вьсходят *горъ* и низъходят поля [1]);

Палея: *хърувимъ* многоочитии [2]);

Двинская Рядная: тысячя *бълкъ*, взяле двѣ тысячи *бълкъ*, е̃ тысячь *бълкъ* [3]);

Новгородскіе Юридическіе акты XIV—XV вѣка: половину *отцинъ*, полъ четверта сорока *бълкъ*, *сасини* дѣтѣ, половина тои *подскотини* (нм. п. ед. ч. подскотина), пятери *гонъ* (им. п. мн. ч., им. ед. гонъ), съ *иви*, отцину *Мъхъеви* дочери Ѳедосьину, съ Лукерьиною землою *Петрови жони*, до *Назареви* земли [4]);

Синодальный списокъ Новгородской лѣтописи: безъ *знатбъ*, у *Нъжатъ*, *инекъ* (мн.) привезоша, отъ *Хревъковъ* улици, съ *Бълъ*, объ ону страну *окъ*, воевати *городъ Черниговьскъе*, *рѣкъ* возъ [5]);

Ипатьевскій списокъ лѣтописи XIV—XV вѣва: быхомъ *вѣдалъ*, бѣаху *полонилъ*, половци *наворотилъ*, ратнъ люди, *полонилъ*, есмы, *инъи* (имен. мн. ч. муж. р.) и друг [6]);

XV вѣкъ.

Евангеліе 1409 года: при всѣхъ черньцехъ ст҃го *Николе* [7]);

Новгородская грамота 1426—1461 года: промежи своего княженья и промежи новгорочкои *отцинъ*;

Рязанская грамота 1496 года: городскіи *рыболове* [8]);

Акты XV—XVI вѣка: полъ сѣма сорока *бълкъ*, отъ

---

[1]) Ibid. 676.

[2]) Ibid. 665.

[3]) Срезневскій. Св. и Зам., XXIX, 79, 80.

[4]) Акты Юридическіе, 110, 111, 115, 116.

[5]) Полное собраніе рус. лѣтописей, III, 9, 13, 20, 22, 25, 30, 32, 33.

[1]) Лѣтопись по Ипатскому списку, 504, 505, 515, 546, 548, 556.

[7]) Буслаевъ, Матеріалы.

[8]) Собраніе гос. гр., I, 23. 327.

Иванове межи, на другой сторонѣ *Вѣшере* рѣки, отъ *Вѣшере* рѣки [1]);

XVI вѣкъ.

Сѣверно-русская Духовная: у *Мини* [2]);

Переяславскій актъ 1563 года: *рыболове* ловятъ озеро Переславское. [3]).

XVII вѣкъ.

Новгородская крѣпостная книга 1612 — 1613 годовъ: съ *Иворевѣ* улице, съ *Павловѣ* улицы [4]);

Актъ 1667 года: до *березѣ*, отъ *березѣ* до *березѣ* [5]);

Значительная часть поименованныхъ памятниковъ принадлежитъ новгородской области и писаны новгородскимъ нарѣчіемъ; изъ приведенныхъ нами формъ многія, конечно, могутъ быть объясняемы иначе: *ѣ* въ *порукѣ*, *Михайловѣ* можетъ быть графическимъ изображеніемъ *и*, но оно можетъ также изображать и собственно *ѣ*, какъ показываютъ формы на *е*.

Въ современныхъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ формы на *ѣ* вмѣсто *ы* мало извѣстны (это зависитъ можетъ быть, отъ той небрежности, съ какою и у насъ записывались и записываются до сихъ поръ произведенія народной поэзіи); однако мы ихъ находимъ и въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи: онежск. отъ Мамелфы *Тимофеевнѣ* [6]), каргопол. *уговаривале* [7]); и въ южно-в.-русскомъ: московск.

---

1) Акты, относящіеся до юридическаго быта др. Россіи изд. Калачовымъ, II, 414—415.

2) Акты Юрид., 441.

3) Акты археограф. эксп., I, 288.

4) Акты, изд. Калачовымъ, II, 391, 399.

5) Ibid. 454.

6) Гильфердингъ, Онеж. Былины, 775.

7) Колосовъ, Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей, 117.

у вашей *сестрѣ* [1]) и въ бѣлорусскомъ: виленск. *быля* господары, *хадзиля* стральцы (*я* изъ *ѣ*) [2]).

Въ малорусскихъ говорахъ такія формы представляютъ явленіе обычное: украинск. є *правдi*, дідовоі *дочкі*, до *торбинкі*, *ратникі*, батько и мати *такі раді*, *добрі* люде, *дубі*, *кісточкі* [3]); галицк. наметы *бѣлі*, *шiвкові*, *срібні* підкови, *кленові* ушка, *мѣдяні* човна, *золоті* весла [4]). Такъ какъ въ украинскомъ и галицкомъ говорахъ южно-великорусскимъ *ы* и *и* послѣ согласныхъ почти всегда, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, гдѣ дѣйствуетъ аналогія другихъ словъ и формъ, соотвѣтствуетъ *и*, а не *і*, то приведенныя формы по образованію одинаковы съ старыми новгородскими формами на *ѣ*.

Звуковое тождество родит. п. ед. ч. *сестрѣ* съ дат. и мѣстн. п. ед. ч. было причиною, что съ одной стороны форма род. п. *сестры* стала употребляться въ значеніи формы дат. и мѣстн. п.: рукопись XVI вѣка: дубъ... подобенъ *березы красны*; 2-ая Новгородская лѣтопись по списку XVI вѣка: о *опришнины*, в деревни *Княжщины*, на *Вѣшеры рѣки*, въ *земшины* [5]); Новгородская крѣпостная книга XVII вѣка: къ *горы* [6]); пѣсни, записанныя для Р. Джемса въ XVII вѣкѣ: охте мнѣ, *молоды*, горѣвати [7]); современныя олонецкія былины: въ моей *дружины*, ко *дружины*, ко матушкѣ *Нѣпры* рѣкѣ, по *избы*, по *правды*, по *истины* [8]);

---

[1]) Кирѣевскій, Пѣсни, II, 65.

[2]) Этногр. Сбор., III, 210, 225.

[3]) Труды этн.-стат. эксп., II, 93, 79; 92, 96, 100, 101.

[4]) Головацкій, Народныя Пѣсни Галицкой и Угорской Руси, 33, 34, 67.

[5]) Тихонравовъ. Памятники русской отреченной литературы, I, 80; Новгородскія лѣтописи, изд. Археогр. Коммисіи 98, 69, 105, 106.

[6]) Акты, изд. Калачовымъ, II, 392.

[7]) Буслаевъ, Истор. Хрестом., 1034. Употребленіе формы *молоды* показываетъ, по нашему мнѣнію, что пѣсни записаны для Р. Джемса не въ Москвѣ, какъ обыкновенно полагаютъ, а гдѣ нибудь на сѣверѣ, можетъ быть, въ Архангельскѣ.

[8]) Рыбниковъ, Пѣсни, I, 9, 11, 28, 36, 39.

ржевск, на *галавы* [1]). Съ другой стороны нѣкоторыя формы дат. п. ед. ч. стали употребляться въ значеніи формъ род. п.: Новгородская грамота 1307—1308 год.: у *владыцѣ* [2]); Современн. галицк. до *мамці* (имен. п. ед. ч. *мамка*) [3]).

Явленіе, которое только что разсмотрѣно нами въ именномъ склоненіи, имѣетъ мѣсто и въ склоненіи мѣстоименномъ съ тою разницею, что въ этомъ послѣднемъ оно коснулось только формъ им.-вин. п. мн. ч., но за то (можетъ быть, благодаря вліянію косвенныхъ падежей), получило гораздо большее распространеніе. Какъ форма родит. п. *землѣ* вызвала форму *сестрѣ*, такъ точно формы им.-вин. п. *всѣ*, *сѣ* вызвали формы *тѣ*, *онѣ*, *однѣ*, *самѣ*, которыя встрѣчаются уже въ памятникахъ XIV вѣка.

Новгородскія грамоты: 1305—1308 года: на *тѣ* грамоты, 1317 г.: *тѣ* (головы) поидуть, 1318 г.: *тѣ* грамотѣ (вин. п.) [4]).

Московскіе акты: 1328 г.: *тѣ* (люди) (вин. п.), 1356 г.: *тѣ* села, 1371 г.: *тѣ* села [5]).

Минея XIV вѣка: *онѣ* (мужи) начаша [6]).

Ипатьевскій списокъ лѣтописи: бояре *самѣ* [7]).

Эти формы имѣютъ значительное распространеніе во всемъ русскомъ языкѣ, какъ въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ (впрочемъ о существованіи въ нихъ въ настоящее время формы *самѣ* у насъ нѣтъ свѣдѣній), такъ и въ малорусскомъ: украинск. *ті*, *воні*, *самі* (при *они*, *сами*).

Въ современномъ великорусскомъ нарѣчіи (какъ и въ

---

[1]) Этнограф. Сборн., I, 282.

[2]) Собраніе гос. гр. I. 14.

[3]) Головацкій, Нар. Пѣсни, II, 79. Съ нашимъ объясненіемъ формъ дат. мѣстн. п. на ы.—ср. объясненіе Лескина въ Kuhn's Baiträge, VI, 170—171.

[4]) Собраніе гос. гр., I, 11, 15, 18.

[5]) Ibid. 32, 42, 51.

[6]) Извѣстія, VI, 292.

[7]) Лѣтопись по Ип. сп., 525.

старинномъ) формы *онѣ, однѣ* употребляются при существительныхъ не только женскаго рода, но и мужескаго: *ёнѣ* принимаютъ, подаваютъ *енѣ* (старики), подъѣзжаютъ *онѣ* (Илья Муромецъ и Соловей Разбойникъ), *онѣ* крестами побраталися (богатыри) [1]. Ученіе о формахъ *онѣ* и *однѣ*, какъ о формахъ женск. р., излагающееся обыкновенно въ нашихъ грамматикахъ, ни на чемъ не основано.

Надо замѣтить, что форма *тѣ* не можетъ считаться спеціально русскою: она существуетъ также въ словацкомъ языкѣ: tie, но, конечно, въ немъ явилась независимо отъ русской формы. Что касается до ново-болгарск. *тѣ* (подъ удареніемъ =*тя*), то это, вѣроятно, форма не им.-вин., а род.-вин. п, мн. ч., т. е. =*тѣх*; сравни въ языкѣ седмиградскихъ болгаръ: jessant dessen-*taf* poroncsenie bose, é dal gospodin bog dessen-*taf* poroncsenie [2]), гдѣ taf надо читать *тяф*=тѣхъ.

Формы на *ѣ* перешли и въ склоненіе основъ на *і* въ нарѣчіяхъ сѣверно-великорусскомъ и малорусскомъ, но въ первомъ употребленіе ихъ, если можно основываться на имѣющемся у насъ матеріалѣ, не отличалось и не отличается обширностью: Лаврентьевскій списокъ лѣтописи: положити *мощѣ*, на *мощѣ* Ѳеодосьевы, взяша *мощѣ* [3]); новгородскіе акты XIV—XV вѣка: *дѣтѣ* [4]); устюженскій актъ XVI вѣка: *спередѣ* [5]); современ. новгородск. *издале* [6]); шадринск *сыздале* [7]). Сравни въ Договорной грамотѣ смоленскаго князя Мстислава съ Ригою 1229 года: кто то у *Ру-*

---

[1]) Рыбниковъ, Пѣсни, I, 3, 7, 72.

[2]) Miklosich, Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen 108, 109.

[3]) Повѣсть врем. лѣтоп., 139, 140.

[4]) Акты Юридическіе, 111, 143.

[5]) Акты, изд. Калачовымъ, II, 399.

[6]) Колосовъ, Зап. Ак. Н., XXVII, II, 11.

[7]) Пермскій Сборникъ, II, 181.

се (=въ *Руси*) гостит [1]; соврем. вел.-рус. *позадѣ*, въ *кровѣ*, на *Русѣ* и т. п. Въ малорусскомъ нарѣчіи формы на *ѣ* отъ основъ на *і* распространены гораздо болѣе: украинск. им.-вин. мн. *гості*, *люді*, *двері*, даже *вічі*, *уші*, сравни заславск. *двере* [2].

Подобный переходъ формъ на *ѣ* въ склоненіе основъ на *і* замѣчается и въ западно-славянскихъ языкахъ. Мы его находимъ а) въ польскомъ: шарашпатацкая Библія: вин. п. мн. ч. dzwyrze [3], современ. twarze, dłonie и т. п. (ср. тв. п. мн. drzwiami, мѣстн. drzwiach), б) въ верхне-лужицкомъ: род. п. ед., им.-вин. мн. ч. kosće, husle и т. п. (ср. kosćam, kosćach) и в) въ словацкомъ и моравскомъ: им.-вин. п. мн. jasle, dveře [4]; (ср. слов. jaslam, jaslach).

Наконецъ формы на *ѣ* перешли въ русскомъ языкѣ и въ склоненіе личныхъ мѣстоименій. Древнія формы *мене*-*тебе*, *себе* совершенно утрачены великорусскимъ и бѣлорусскимъ нарѣчіями (въ малорусскомъ они сохранились), въ которыхъ они должны были бы звучать, по закону перехода конечнаго ударяемаго *е* въ *ё*, *менё*, *тебё*, *себё*, и заменены въ нихъ формами *менѣ*, *тебѣ*, *себѣ*, образованными по образцу *землѣ*. Эти послѣднія формы явились въ русскомъ языкѣ очень давно, если только можно основываться на данныхъ памятниковъ, въ которыхъ мы находимъ: Слова Григорія Богослова XI вѣка: отъ *себѣ*, у *себѣ*, у *тебѣ* [5]; Пандектъ Антіоха XI вѣка: *себѣ* самого [6], Успенскій Торжественникъ XII вѣка: въ *себѣ* мѣсто [7]; Новгородская Кормчая 1282 года: отъ *себѣ* [8]; Апостолъ

---

[1]) Собраніе гос. гр., II, 1.
[2]) Труды этн.-ст. эксп., II, 162.
[3]) Biblia kr. Zofii, 55.
[4]) Susil, Moravske národné písne, 11, 22, (2-gie wyd.).
[5]) Будиловичъ, Изслѣдованіе, 12.
[6]) Матеріалы для сл. и грамм., VII, 8.
[7]) Чтенія 1879 г. I, 38 (житіе Ѳеодосія Печ.).
[8]) Русскія Достоп., I, 33.

1307 года: отъ *менѣ*, одѣсную *мънѣ* [1]); Евангеліе 1325 и 1361 года: до *тебѣ* [2]) и др. Въ малорусскихъ говорахъ эти формы, хотя и очень рѣдко, но встрѣчаются: пружанск. сами *собі* не пожніте, не мене молодого, не коня вороного [3]). Конечно, они могутъ имѣть и другое объясненіе: *менѣ* (какъ и *меня*) можно считать формами одного образованія съ литовск. manęs, но первое объясненіе намъ кажется наиболѣе вѣроятнымъ.

Существовали ли въ русскомъ языкѣ, рядомъ съ разсматриваемыми формами на *ѣ*, также и формы на *я* изъ ѧ?

Въ письменныхъ памятникахъ съ древнѣйшаго времени и по сю пору, въ однихъ часто, въ другихъ рѣдко, даже очень рѣдко, мы находимъ начертанія: *ея, моея, добрыя* (род. п. ед. ч.), *моя, добрыя* (им.-вин. мн. муж.-жен. р.) и т. п., но въ высшей степени сомнительно, чтобы начертанія *ея, моея, моя* въ настоящее время гдѣ нибудь въ Россіи произносились такъ, какъ они написаны, а начертаніе *добрыя* передавало произношеніе какого-нибудь окающаго говора, гдѣ *я* не есть обычная замѣна неударяемаго *е* [4]). Сверхъ того надо имѣть въ виду слѣдующее:

1) Въ великорусскихъ выраженіахъ: по *ся* поры, по *ся* дни [5]); форма *ся* есть форма вин. п. мн. ч. средняго рода, а формы *поры, дни*—род. п. ед. ч.; сравни въ Успенскомъ Торжественникѣ XII вѣка: въ *та* дни [6]), современное великорусское въ *та* поры, пока мѣстъ; также мы объясняемъ и форму *вся* въ малорусскомъ (украинск.) во*вся* = вовсе [7]). Эти выраженія представляются намъ архаизмами

---

[1]) Воскресенскій, др. слав. переводъ Апостола, 129.

[2]) Извѣстія, VI, 278.

[3]) Сборникъ пам. нар. поэз. в сѣв.-зап. краѣ, 91.

[4]) Ср. Колосовъ, Обзоръ звуков. и форм. особенностей, 228, 237.

[5]) Буслаевъ, Историч. Грамм., I, 4, 159.

[6]) Чтенія, 1879, I, 10 об.

[7]) Ср. Потебня, Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи, 48.

сравнительно съ выраженіями: великорус. по *сѣ* дни, въ *тѣ* поры, малор. во *всі*: въ этихъ послѣднихъ формы средняго рода замѣнились формами муж.-жен. р. Сравни в.-рус. по *та*, по *ка* и малор. по *ті*, по *кі*.

2) Формы им.-вин. п. мн. ч. *учителя́*, *сыновья́*, *бояря́*, *крестья́ня*, впервые являющіяся въ XIV вѣкѣ: Лаврентьев. списокъ лѣтописи: *Древяня* [1]), не могутъ считаться происшедшими изъ **учителѧ*, какъ показываютъ существующія рядомъ съ ними формы *берегá*, *боя́ра*, *крестья́на*; и тѣ и другія —новѣйшія образованія, явившіяся вслѣдствіе того, что имена собирательныя един. ч. на *а* и *я* съ теченіемъ времени начали употребляться въ значеніи формъ множ. ч. другихъ, несобирательныхъ именъ: *господа*— какъ множ. ч. отъ *господинъ*; *братья*, *князья* — какъ множ. ч. отъ *братъ*, *князь* [2]). Сравни обще-польск. имен.-вин.-п. мн. ч. gruńta, organa, вел-польск. им. мн. svacia, furmania [3]), словацк. им. мн. syňovia, hostia, zatia (=ц.-слав. затиıе).

Если наше сомнѣніе справедливо и формъ *ея́* и *моея́* и т. д. въ современномъ русскомъ языкѣ дѣйствительно не существуютъ, то мы считаемъ возможнымъ заключить отъ настоящаго къ прошедшему и отвѣтить на поставленный нами выше вопросъ отрицательно. Замѣтимъ кстати, что и въ западно-славянскихъ нарѣчіяхъ нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ слѣдовъ существованія падежныхъ формъ на ѩ и его рефлексъ *ja*.

---

1) Повѣсть врем. лѣтъ, 8.
2) Ср. Kuhn's Beiträge, VI, 42.
3) Archiv für Sl. Ph., III, 159.

II.

Именительный и винительный падежи единственнаго числа мужескаго рода на е.

Въ памятникахъ русской письменности имена существительныя, прилагательныя и мѣстоименія мужескаго рода въ имен. и вин. п. ед. ч. иногда имѣютъ окончаніе *е*:

Новгородская грамота 1189—1199 года: убьють попъ *новгороцкое* или *нѣмецкое* [1];

Вкладная Варлаама Хутынскаго послѣ 1192 года: *въдале Варламе* (=въдалъ Варламъ) [2];

Златоструй XII вѣка: *Игнатіе* повелѣваетъ [3];

Пандекты Никона Черногорца XII вѣка: *Василіе, Даниле* [4];

Паремейникъ 1271 года: рабъ *твое*, оць *мое*, въ *покое* [5];

Кормчая 1282 года: кто *вѣрне* есть, крестъ не *дошле* Царяграда, егда *обрѣтене* [6], *Юрье* [7];

Новгородская грамота 1392 года: *посаднике*, *тѣ* товаръ, кто *поимале*, Иванъ *повѣстовалѣ*, дворъ *погорѣле* [8];

---

1) Русско-Лив. Акты, 2.
2) Извѣстія, X, 510.
3) Срезневскій, Свѣд. и Зам., XXII, 10.
4) Ibid. LV, 221.
5) Буслаевъ, Истор. Хрест., 74, 75, 78.
6) Калайдовичъ, Памятники р. сл., 177, 179.
7) Извѣстія, X, 628.
8) Русско-Ливонскіе Акты, 86, 87.

Двинская рядная XIV вѣка: *Завке* ста на судѣ, *Савке* рче, *Смене Ночине имале,... взяле* (=Семенъ Ночинъ ималъ, взялъ); *доспеле Смене Ночине* [1];

Новгородскіе юридическіе акты XIV—XV вѣка: *Марке, Костянтине, Смене, Кире,* Сидоръ *Труфановъ,* Есипъ *Ѳоминъ,* Тимоѳеи *Ивановъ,* Перхуреи *Ѳоминъ, Игнате, Павле* Труфановичъ, *Петре* [2];

Пермская грамота 1605 года: *земскіе* судья [3].

Всѣ поименованные памятники, какъ это или положительно извѣстно, или можно съ достовѣрностью полагать, писаны въ Новгородской, Двинской, Пермской областяхъ. Изъ этого можно бы было заключить, что мы имѣемъ дѣло съ особенностью сѣверно-великорусскаго говора, если бы не было данныхъ, которыя указываютъ на существованіе формъ въ родѣ вышеприведенныхъ и въ другихъ говорахъ стараго русскаго языка; такъ, въ московской грамотѣ 1540 года мы читаемъ: *иные* игуменъ [4]; подъ лебедянскимъ актомъ 1659 года мы находимъ подпись: попъ *Евсѣе* [5].

Въ современномъ русскомъ языкѣ формы на *е* извѣстны преимущественно въ сѣверно-великор. говорахъ (почти исключительно въ пѣсняхъ): онежскій говоръ: *Садке, воронке* [6], *Петре* [7], целовѣко-тъ *уцливые,* скажи поклонъ *низкіе,* теремъ *ужасные,* насмѣшникъ *женскіе,* вецеръ *послѣдніе,* калика *перехожіе* [8], монастырь *пречестные,* балхонъ *высокіе,* народъ *православные,* конь *косматые,* воронъ

---

[1]) Срезневскій, Свѣдѣнія и Зам., XXIX, 79.
[2]) Акты Юридическіе, 110, 111, 114, 115, 116.
[3]) Акты, изд. Калачевымъ, II, 590.
[4]) Ibid 550.
[5]) Акты Юридич., 291.
[6]) Рыбниковъ, III, 193.
[7]) Гильфердингъ, Онежскія былины, 1085.
[8]) Кирѣевскій, I, 53, 55, 88, 89; II, 12, 13. Можетъ быть, въ приведенныхъ формахъ нужно читать, вмѣсто *и* и *і*,—*о* и *е*: *уцливое, послѣднее* и т. д.; сравни выше *новгороцкое.*

старшіе да воронъ *младшіе* [1]); архангельскій говоръ: листъ *гербовыя* (надо читать на концѣ *е*, а не *я*) [2]). Изрѣдка они встрѣчаются и въ южно-великорусскихъ говорахъ, также въ пѣсняхъ: малоархангельск. увидалъ Егорій мѣсяцъ *ясныя* [3]).

Кромѣ русскаго языка, ихъ знаютъ также языки сербскій и средне-болгарскій: старо-сербск. *Дометіе*, *Корънилие* [4]), *грѣшніе* (азъ *грѣшніе* и умиленціи рабъ) [5]), современн.-серб. *Павле*, *Ненаде*, *ђаконе*, *куме*, *беже*, *царе*; средне-болгарск. *Георгіе*, *Лалое* [6]); сравн. ново-болгарск. *моминския* кладенец, *твоя* гердан, *своjо* вилает [7]) и т. п., гдѣ *я* въ *моминския* и *твоя* могло замѣнить *е* подъ вліяніемъ формъ именъ существительныхъ на *а* и *я*, а *jo* въ *своjо* — образоваться изъ *je*.

Указанныя формы были объясняемы нѣсколько разъ; мы остановимся на объясненіяхъ гг. Потебни, Колосова и Даничича.

Первые двое въ общемъ согласны между собою. Г. Потебня въ русск. *Варламе*, конь *косматые*, сербск. *Макаріе* сперва видѣлъ замѣну глухихъ звуковъ чистыми: въ *Варламе*, думалъ онъ, *е* — замѣна конечнаго *ъ*; въ *косматые*, *Макаріе* — *е* замѣна *j* = *jъ* [8]). Впослѣдствіи онъ сопоставилъ русскія формы на *е* съ русскими же на *о*: *Окынфо*, *Яково*, *послухо* и т. п., и призналъ, что *е* въ первыхъ есть не что иное, какъ графическое изображеніе *ьр*ᵃ, образовав-

1) Ibid. III, 43, 44, 46; IV, 76.

2) Ibid. VI, 116.

3) Якушкинъ, Пѣсни, 68 (отд. оттискъ изъ 2 кн. Лѣтоп. русск. литер. и древн.).

4) Daničić, Rad jugoslavenske Akademije, XXVI, 57.

5) Записки Ак. Н., III, снимокъ съ хрисовула Стефана Уроша 1303 года. Сравн. Даничић, Историја облика, 151, прим.

6) Срезневскій, Свѣдѣнія и Зам., LXXXI, 19, 20, 23, 35.

7) Dozon, Български нар. пѣсни, 9, 32, 64. Мнѣніе, что въ подобныхъ формахъ опущенъ членъ, намъ кажется ни на чемъ неоснованнымъ.

8) Два изслѣдованія, 74—75.

шагося изъ *ъ*[ра], точно такъ же, какъ *о* въ послѣднихъ есть только графическое изображенiе *ъ*[ра] [1]).

Колосовъ сперва сопоставлялъ *Варламе* и т. п. съ *въху, цъто, противь* и видѣлъ въ этой формѣ результатъ смѣшенiя глухихъ и замѣняющихъ ихъ чистыхъ звуковъ; формы *мое* (муж. р.), *покое* онъ объяснялъ такимъ образомъ: „извѣстно, что *ъ*=*ь* послѣ согласныхъ, =*и* (*й?*) послѣ гласныхъ: *покое* (=*покой*) и под. есть то же, что *Варламе* = *Варламь* изъ *Варламъ*" [2]). Послѣ онъ взялъ назадъ вышесказанное и заявилъ, что „древне-русскiй языкъ не зналъ смѣшенiя глухихъ... На форму *Варламе* не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на слѣдствiе перехода *ъ* въ *ь*: вѣроятно, по крайней мѣрѣ, что она предполагаетъ форму *Варламо* и явилась изъ послѣдней вслѣдствiе нерѣдко замѣчаемаго въ сѣверно-великорусскомъ стремленiя мѣнять твердые согласные на мягкiе, широкiе гласные на узкiе и наоборотъ. А быть можетъ, *Варламе* черезъ форму *Варламiй*. Странно *лъ* = *ле* на мѣстѣ *лъ* причастiя прошедшаго спрягаемаго... Можно бы *ле* объяснять изъ *ло*, толкуя *взяле, имале* изъ *взяло, имало*, какъ *Смене* изъ *Смено*, *Завке* изъ *Завко*, но точки опоры въ современномъ русскомъ языкѣ для такого объясненiя не находится; въ немъ вмѣсто *лъ* — постоянно *л*". — Въ такихъ формахъ, какъ конь *косматые*, Колосовъ признавалъ *е* явившимся изъ *ь* [3]).

Остановимся прежде на формѣ *Варламе*. И г. Потебня, и Колосовъ считаютъ эту форму сравнительно новою, происшедшею изъ *Варламъ*, при чемъ первый предполагаетъ переходъ *ъ* въ *ь* (графически=*е*), а второй—переходъ *о* (изъ *ъ*) въ *е*. Оба эти предположенiя рѣшительно ни на чемъ не основаны. Изъ разсмотрѣнiя данныхъ древнихъ памятниковъ и современнаго языка можно видѣть, что перехода *ъ* въ *ь* въ русскомъ языкѣ никогда не существовало и формы на *ь* вмѣсто *ъ* (въ родѣ *Варламь*) въ немъ

---

[1]) Къ исторiи звуковъ, I, 43.

[2]) Очеркъ, 74, 88.

[3]) Обзоръ, 2—3, 5.

не были извѣстны (нѣсколько описокъ въ счетъ не идутъ) [1]); вслѣдствіе этого въ *е* въ *Варламе* не слѣдуетъ видѣть графическаго изображенія *ь*. Что касается до перехода *о* въ *е*, то его не зналъ и не знаетъ русскій языкъ: *пепелъ* при *попелъ*, *ребенокъ* при *робенокъ* и т. п. объясняются инымъ путемъ.

Обратимся къ формѣ *косматые*. И г. Потебня, и Колосовъ согласны, что эта форма предполагаетъ форму *косматыи*, которая, по ихъ мнѣнію, есть не что иное, какъ **косматыјь*,—и приводятъ формы *Можаескъ* [2]), *троецкіи* [3]), *трее* дворць [4]), будто бы изъ **Можаьјскъ*, **тројьцкіи*, **трејь*. Но нѣтъ сомнѣнія, что формы *Можаескъ, троецкіи* обязаны своимъ происхожденіемъ не переходу не существовавшаго въ нихъ, въ историческое время, *ь*^ра^ въ *е*, а аналогіи формъ *Брянескъ, Курескъ, молодецкій, дворецкій*. *И* въ *Можаискъ*, хотя и произошло изъ *јь*, но когда звучало, какъ гласный звукъ, звучало одинаково со всякимъ другимъ *и*; сравн. в.-русск. *яйцо* изъ **яјьце* (суффиксъ тотъ же, что въ *кольцо, крыльцо*) и род. п. мн. ч. *яйцъ, яйчко, яичница* [5]). *И* въ *троицкій, троица* вовсе не происходитъ изъ *јь*: здѣсь суффиксъ тотъ же, что въ *кормилица, молодица*. Форма *трее* (которыхъ *трее* дворць выпросили ваша братья, новгородск. гр. 1257—1263 года) [6]) уже по тому одному, что она единственная извѣстная форма род. п. мн. ч. на *е*, намъ кажется не болѣе, какъ ошибкою (сравн. им. п. *трье, трее*) или опискою; во всякомъ случаѣ ее нѣтъ надобности объ-

---

[1]) Въ южно-русскихъ XV—XVII в. памятникахъ *ѣ* часто стоитъ вмѣсто *ъ*, но это *ь*, безъ сомнѣнія, не означаетъ ничего.

[2]) Колосовъ, Очеркъ, 102, 130; Потебня, Къ исторіи звуковъ, I, 37.

[3]) Очеркъ, 132.

[4]) Къ исторіи зв., I, 42.

[5]) Существующія въ разныхъ русскихъ говорахъ формы *яѣцъ, яѣчко* обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію формъ *колецъ, колечко*.

[6]) Русско-Лив. А., 9.

яснять прямо изъ **трej*. Такимъ образомъ фактовъ въ пользу *и=jь* не оказывается, а между тѣмъ они имѣются въ пользу *и=и*. На это указываютъ современныя пѣсенныя формы съ двойнымъ окончаніемъ: онежск. дядюшка *родныйй*, калачикъ *пшённыйй*, калика *незнакомыйй*, лѣсъ *шумячийй* [1]) и т. п., образовавшіяся изъ формъ *родныи*, *пшённыи* подъ вліяніемъ формъ *родной*, *пшённый*; бѣлорусск. *рай* [2]), а также старинное русское *Юрьи* въ памятникахъ XIV—XVII вѣковъ (напримѣръ, въ грамотѣ Олега рязанскаго 1356 года, въ Вологодской духовной 1626 года, въ южно-русскомъ галицкомъ актѣ 1421—1430 года) [3]) при *Юрьій* [4]); на это же указываютъ современныя сербскія пѣсенныя формы въ родѣ *старији* (Али ти си од мене *старији*...... Твој је мејдан *старији* од мога) [5]) = русск. *старѣй*. Если *и* въ *косматыи* было (а отчасти и есть) не что иное, какъ *и*, то для того, чтобы приведенную форму поставить въ прямую фонетическую связь съ *косматые*, необходимо допустить переходъ *и* въ *е*, что невозможно [6]).

---

[1]) Рыбниковъ, I, 110, 285, II, 68, 300. Можетъ быть, надо читать *роднoйй* и т. д.

[2])
Прекрасное соўнце
Весь свѣтъ освѣтило,
Рай сокрасило.
Безсоновъ, Калѣки перехожіе, VI, 307.

[3]) Извѣстія, X, 678; Акты Юр., 460; Головацкій, Памятники, 43.

[4]) Головацкій, ibid., 4.

[5]) Караџић, Српске нар. пјесме, II, 360 (изд. 1875 г.).

[6]) Въ сѣв.-в.-русскихъ говорахъ иногда встрѣчается *е* тамъ, гдѣ мы ожидали бы *и*: *ракетовъ* кустъ, *вехорь* (Рыбниковъ, I, 134; II, 122) и т. п.; но *е* здѣсь явилось не фонетическимъ путемъ: чередованіе формъ *лесъ* и *лисъ* (=лѣсъ) вызвало чередованіе *ракитовъ* и *ракетовъ* и, на оборотъ, *щелье* и *щилье* (ib., I, 177) и друг. Что касается до великорусск. *апрѣль*, *Аграфена*, изъ *априль*, *Агриппина*, то мы думаемъ, что *ѣ* въ этихъ словахъ (*Аграфена* правильнѣе писать *Аграфѣна*, такъ какъ *я* здѣсь — *е*, а не *ё*) надо объяснить такимъ образомъ: въ новгородскомъ говорѣ издревле *ѣ* произносилось близко къ *и*, или

Даничичъ не касается такихъ формъ, какъ *Варламе* (хотя они донынѣ существуютъ въ сербск. яз. въ значительномъ числѣ), и объясняетъ только формы въ родѣ *Григоріе*. Онъ сопоставляетъ ихъ съ формами имен. п. ед. ч. именъ простыхъ и уменьшительныхъ на *о:* сербск. *Берило, Борило, Стојо, Вако, Дако* (=Василій, Демьянъ), др. русск. *Добрило, Дрочило, Владимирко, Василько,* чешск. Zdenko, Hromádko), наконецъ, съ верхне-лужицкими формами зват. п. ед. ч. муж. р. на *о:* daro, časo, Jano и т. п., и приведенныя формы считаетъ формами им. п. ед. ч. муж. р. съ сохраненною въ цѣлости основою, въ которой конечный гласный *о* еще не ослабился въ *ъ* и потому не отпалъ; послѣ j, думаетъ онъ, это *о* или осталось: *Вујо*, или перешло въ *е: Григоріе* [1]).

Въ этомъ объясненіи мы видимъ цѣлый рядъ ошибокъ: *Берило, Добрило* — по формѣ слова средняго рода: сравни русск. *воротило, объѣдало, опивало* и *точило, шило, било*; и нѣтъ ни малѣйшаго основанія думать, будто въ нихъ *о* стоитъ вмѣсто ъ; *Вако, Василько* и другія уменьшительныя на *о* точно такъ же по формѣ — имена средн. р.: сравни ст. русск. мое *деревнишко*, мое *попадьишко*, мое *дочеришко* [2]), современн. псковск. *дѣвко́*,— слова, въ которыхъ *о* никакъ нельзя считать замѣняющимъ ъ; верхнелужицк. daro, Jano—формы только зват. п. и уже по одному этому ихъ нельзя ставить рядомъ съ *Добрило* и *Ва-*

какъ *и*, и новгородскіе писцы нерѣдко замѣняли *ѣ* черезъ *и* и на оборотъ — *и* черезъ *ѣ;* начертанія *апрѣль, Агриппѣна,* явившіяся впервые совершенно случайно, съ теченіемъ времени сдѣлались обычными и перешли изъ Новгорода, вмѣстѣ съ книгами, въ среднюю Русь, гдѣ *ѣ* произносился постоянно близко къ *е*. Замѣтимъ, что наиболѣе употребительныя въ великорусскомъ нарѣчіи имена собственныя (заимствованныя изъ греческаго языка) постоянно слѣдуютъ законамъ в.-русской фонетики: *Ерёма, Ѳёдоръ, Ѳёкла, Матрёна* при *Ефремъ* (др. рус. *Ефрѣмъ*, украинск. *Охрімъ*, греч. Ἐφραίμ).

[1]) Rad, XXVI, 59—60.

[2]) Буслаевъ, Историческая грамматика, II, 190.

силько; они образовались по образцу Božo, mužo (или существовавшихъ прежде ženo и т. п.) точно такъ же, какъ ново-болг. формы зват. п. *кумичке, Драганке* (им. п. *кумичка, Драганка*) [1]) образовались по образцу *душе, Милице.*

И такъ, фактовъ въ пользу сохраненія въ им. п. ед. ч. словъ муж. р. *о* (откуда послѣ *j* — *e*) не существуетъ и *Григоріе* нельзя считать формою болѣе древнею, чѣмъ *Григоріи.*

Интересно было бы знать, какъ объясняетъ Даничичъ формы *Варламе* и т. п., формы, которыя, по нашему мнѣнію, нельзя игнорировать при объясненіи *Григоріе.*

Даничичъ признаетъ, что формы въ родѣ *Григоріе* очень удобно считать формами зват., а не именит. пад. [2]). Это вполнѣ справедливо не только относительно этихъ формъ, но и относительно формъ *Варламе.* Если мы взглянемъ на данныя сербскаго и русскаго языковъ, то въ числѣ ихъ увидимъ случаи употребленія формъ зват. пад. въ значеніи имен. п.: сербск. *Краљевићу, Урошу, Милошу, кралу, змају* (је ово огњанити *змају*), *патријару, Саво* (подиже се *патријару Саво*) [3]) и друг., бѣлорусск. *негодзяю* (я у це *негодзяю*) [4]), *паничу* (ишоў сличны *паничу*), *карабенчику* (*карабенчику* на сцѣнѣ прикованы) [5]), онежск. *кровати* (гдѣ твоя *кровати* тесовая) [6]). Съ послѣднею формою должно поставить рядомъ формы им. п. ед. ч.: др. рус. *юности* (обновиться *юности* твоя, Толковая псалтырь XII вѣка) [7]), *милости* (явѣ будеть *млᵉти* его, Прологъ XIII

---

[1]) Dozon, Бълг. нар. п., 8, 29. Сербскія уменьшительныя имена женск. р. *Раде* и т. п., вѣроятно=**Радѧ*, какъ имена муж. р. *Андре* и друг.=**Андрѧ* (род. п. *Андрета*).

[2]) Rad, ibid., 61.

[3]) Караџић, Пјесме, II, 63, 71.

[4]) Шейнъ, Бѣлор. пѣсни, 280.

[5]) Безсоновъ, Бѣлор. пѣсни, II, 146. *Карабенчику* — по образцу *паничу.*

[6]) Рыбниковъ, III, 51.

[7]) Лавровскій, Описаніе 7 рук., 32.

вѣка) [1]), др. польск. radości, miłości [2]), современн. моравск. smrti (potkala ho smrti) [3]). Эти примѣры показываютъ, что *Григоріе, Варламе* — также формы зват. п., употребленныя въ значеніи имен. п.

Въ сербскомъ языкѣ употребленіе формъ зват. п. въ значеніи имен. п. ограничивалось и ограничивается, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, именами собственными и тѣми изъ нарицательныхъ, которыя означаютъ одушевленные предметы; въ русскомъ языкѣ (особенно въ древнемъ) оно распространялось и на тѣ нарицательныя имена, которыя означаютъ предметы неодушевленные. Отсюда произошло слѣдующее:

1) Формы имен. п. въ родѣ *Варламе* послужили въ русскомъ языкѣ къ образованію формъ им. п. съ одной стороны *тѣ* (=*те*), *взяле, имале*, отъ *тъ, взялъ, ималъ*,— словъ, которыя едва ли употреблялись когда-нибудь въ зват. п., съ другой стороны—*Савке, Садке*, отъ *Савко, Садко*, звательный п. которыхъ былъ всегда тождественъ съ имен. п. [4]); сравнительно позднее появленіе *Савке, Садке* видно уже изъ того, что въ нихъ гортанный сочетается съ *е*;

2) Формы им. п. въ родѣ *Григоріе* вызвали въ русскомъ языкѣ формы *косматые*, въ сербскомъ—*грѣшніе*, отъ словъ *косматыи, грѣшни*, никогда не имѣвшихъ особыхъ формъ зват. п.; наконецъ

3) При звуковомъ тожествѣ им. п. ед. ч. съ вин. п. формы им. п. на *е* стали употребляться въ русскомъ языкѣ и въ значеніи вин. п.: въ *покое*.

---

[1]) Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки, LXXXVII, 163.

[2]) Miklosich, Vergl. Gr., III, 427.

[3]) Sušil, Moravské nár. p., 10. Сравни Gebauer, Hláskosloví jaz. českého, 29. Кромѣ мор. smrti, здѣсь приведены еще двѣ др. чешскія формы им. п. hosti (женск. р.) и noci, въ которыхъ *i*, по мнѣнію автора, замѣняетъ *ь*; но вмѣсто hosti можно читать hostí (= русск. *гостья*), а noci можетъ быть формою не единств., а множ. ч.

[4]) Форма зват. п. *слове*, несомнѣнно,—новообразованіе.

И такъ, формы *Григоріе, Варламе* — древпія формы зват. п., съ давняго времени получившія значеніе им. п.; формы *косматые, Савке* — новыя формы зват. п., не имѣвшія, вѣроятно, пикогда значенія только этого падежа и употреблявшіяся также въ значеніи или имен., или вин. п. ед. ч.

III.

Дательный и творительный падежи множественнаго числа на мя.

Въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ имена числительныя *два, три, четыре* образуютъ твор. п. мн. ч. при помощи суффикса *мя: двумя, тремя, четырьмя* (при *двуми, треми, четырьми*). Въ малорусскомъ нарѣчіи эти формы неизвѣстны.

Шлейхеръ видѣлъ въ *мя* суффиксъ дат.—отложит.—твор. п. двойств. ч. и возводилъ его къ индо-европ. ƀhjâms [1]) но это объясненіе не можетъ быть признано удовлетворительнымъ: въ русскомъ языкѣ индо-евр. j послѣ губныхъ согласныхъ (если сохраняется) переходитъ въ мягкое *л*, и поэтому въ *мя* не можетъ заключаться j; иначе, вмѣсто *мя*, мы имѣли бы *мля*: сравни *земля* изъ **земја*.

Лескинъ, опровергнувъ Шлейхера, предложилъ другое объясненіе. Формы *двумя* и друг. образовались, по его мнѣнію, изъ формъ твор. п. мн. ч. *двуми* съ присоединеніемъ къ нимъ конечнаго гласнаго твор. п. двойств. ч. *а*, такъ что *двумя* образовалось изъ **двумј-а, *двуми-а* [2]). Неудовлетворительность этого объясненія очевидпа: **двуми-а* должно дать въ русскомъ языкѣ не *двумя*, а *двумья*.

---

[1]) Compendium, 573 (4-е изданіе). Одного мнѣнія со Шлейхеромъ и Миклошичъ: Vgl. Gr. III, 305.

[2]) Archiv für Slavische Philologie, I, 56—57; Die Declination im Slavisch-litauischen, 111.

Внимательное разсмотрѣніе данныхъ русскаго народнаго языка показываетъ, что формы на *мя* употребляются не отъ однихъ только именъ числительныхъ, но также и отъ мѣстоименій и членныхъ именъ прилагательныхъ, въ значеніи не только тв., но и дат. п. множ. ч.: дат. п. сѣв.-в.-русск. *имя* (=имъ) [1]), тобольск. *тѣмя* [2]); твор. п. вятск. и пермск. *имя* [3]), пермск. *всѣмя, своимя* слезьми [4]), столами *дубовымя, дорогимя* гостинцами, дымами *кудрявымя*, парами *медвяными*, громами *гремучимя*, молоньями *палючимя*, коврами *шелковымя*, чепраками *золотымя*, молодцами *удалымя*, топорами *булатнымя* [5]) и друг.; виленск. пѣснями *веселенькимя* [6]) (послѣдній примѣръ,—если въ немъ *я* не опечатка,—можетъ имѣть и другое объясненіе). Сюда можно бы присоединить нарѣчныя формы на *мя*, существующія только въ великорусскомъ нарѣчіи: *волочмя, дёрмя, кишмя, лёжмя, ливмя, плашмя, рёвмя, сидмя, стоймя, торчмя* (малорусск. *ліжма, лягма*, бѣлорусск. *кишма, лёгма)*; такъ какъ значительная часть такъ называемыхъ нарѣчій есть не что иное, казъ падежныя формы именъ существительныхъ, прилагательныхъ и мѣстоименій, по большей части утратившихъ употребленіе формъ имен. п., то *волочмя* и друг. можно бы считать за формы твор. п. мн. ч. отъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ съ основами на ŭ и і; сравн. *малы, вельми, кольми, весьма, тольма*. Но намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что формы *волочмя* не имѣютъ ничего общаго съ *двумя* и т. п. и принадлежатъ къ числу новообразованій. По нашему мнѣнію, они произошли изъ *волочма* подъ вліяніемъ причастныхъ формъ *неся, глядя* (быть можетъ, при посредствѣ существо-

---

[1]) Колосовъ, Записки Ак. Н., XXVIII, 74; XXX, 51.

[2]) Id., Обзоръ, 235.

[3]) Id., Записки А. Н. XXVIII, 74; Пермскій Сборникъ, I, 109; II, 174.

[4]) Пермск. Сборникъ, I, 18, 42.

[5]) Ibid. I, 17, 28, 42; II, 128, 140, 152.

[6]) Этнограф. Сборникъ, III. 243.

вавшихъ нѣкогда причастныхъ формъ *неса, ида),* которыя имѣютъ съ ними много общаго и по значенію, и по употребленію: сравни выраженія *сидмя сидѣть* и *сидя сидѣть.*

Формы на *мя* въ памятникахъ русскаго языка начинаютъ встрѣчаться довольно поздно: первый извѣстный намъ случай ихъ употребленія находится въ сѣверно-великорусской Духовной XVI вѣка: *тремя* участки [1]); тѣмъ не менѣе ихъ нельзя считать образованіями поздняго времени. Ударяемое *я* въ русскомъ языкѣ можетъ восходить только или къ *ja,* или, какъ въ настоящемъ случаѣ,— къ ѧ [2]). Это подтверждаютъ сербскія формы множ. ч. на *ме,* которыя употребляются, подобно нѣкоторымъ изъ вышеприведенныхъ русскихъ, въ значеніи и дательнаго, и творительнаго падежей отъ мѣстоименій и именъ прилагатель-

---

[1]) Акты Юрид., 442. Въ Требникѣ графа Шереметева, изданномъ Обществомъ древней письменности (N XXIV—LXIII) и относящемся къ памятникамъ новгородскаго нарѣчія XIV вѣка, мы находимъ слѣдующую форму дат. п. множ. ч.: утѣшеніе *скорбящимя* и плачущимся увѣтъ (126). Къ сожалѣнію, эта форма — въ своемъ родѣ единственная изъ извѣстныхъ намъ древнихъ формъ, и мы не можемъ ручаться, что *я* въ ней не описка.

[2]) Великорусск. *нельзя́, опосля́, окромя́* могутъ подать поводъ думать, что въ русскомъ языкѣ нѣкогда имѣло мѣсто образованіе *я* изъ *ѣ* (подъ удареніемъ); но въ *нельзя* не *ѣ* перешло въ *я,* а въ выраженіи *не льзѣ,* (собственно *нѣ льзѣ*), подъ вліяніемъ выраженій *не мѣсто, не досугъ, не время* и т. п., форма имен. п. (неправильная) замѣнила собою форму дат.—мѣстн. п.; въ *опосля, окромя я,* быть можетъ, восходитъ къ праславянскому періоду; сравни малорусск. (укр.) *після,* польск. kromia, ц. слав. и др. русск. *ныня,* кашебск. nynia (Гильфердингъ, Ост. слав., 84) и друг. Что касается до встрѣчающихся въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусск. говорахъ формъ *пря́сной* (=прѣсный), *сясть* (Колосовъ, Обзоръ, 17), *мячь* (=мечь), *помя́лышко* (=помёлышко) (Рыбниковъ, I, 66, 286) и т. п., то видѣть въ нихъ переходъ ударяемыхъ *ѣ* и *е* въ *я* нѣтъ никакой надобности: въ тѣхъ же говорахъ замѣчается переходъ *я* въ *е,* и чередованіе формъ *грезь* и *грязь, чеща* и *чаща,* естественно, вызвало чередованіе *сѣсть* и *сясть, мечь* и *мячь.*

ныхъ: дат. п. *тиме, ониме, свијеме, друзиме, мнозијеме* (XV—XVI вѣка); твор. п. *вашиме, свијеме, кијеме, влажниме, жудниме, злиме* (XVI — XVII вѣка) [1]. Видѣть въ конечномъ *е* этихъ формъ какой-то неорганическій придатокъ, неизвѣстно почему и зачѣмъ явившійся, какъ это дѣлаютъ Даничичъ и другіе, мы не находимъ возможнымъ; по нашему мнѣнію, это *е* есть такой же рефлексъ праславянскаго ѧ, какъ и русское *я* [2].

Тамъ, гдѣ употребленіе формъ на **мѧ* наиболѣе обширно, т. е. въ сербскомъ языкѣ и сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи, мы замѣчаемъ взаимное смѣшеніе формъ дат. и твор. п. мн. ч. Какое собственное значеніе формъ на *мѧ*? Дательный—творительный падежъ. Относительно принадлежности имъ значенія твор. п. не оставляютъ никакого сомнѣнія южно-в. русск. *двумя* и др.; что же касается значенія дат. п., то мы считаемъ его принадлежащимъ формамъ на **мѧ* па слѣдующемъ основаніи: въ однихъ сѣв.-в. русскихъ говорахъ (какъ и въ сербскомъ языкѣ) формы дат. п. мн. ч. употребляются въ значеніи тв. п., а формы твор. п. — въ значеніи дат. п.: съ *дровамъ*, съ *вамъ*, къ *нами*, по *полями*; въ другихъ, въ томъ числѣ въ шенкурскомъ и вятскомъ, употребленіе формъ твор. п. въ значеніи дат. п. неизвѣстно; форма *имя* въ этихъ послѣднихъ говорахъ употребляется въ значеніи и дат. п. [3]. Относи-

---

[1] Даничић, Историја облика, 197, 200, 207.

[2] Съ этимъ *е* не имѣетъ ничего общаго по образованію *е* въ род. — мѣстн. п. мн. ч. *њихе* и дат. — мѣстн. (собственно мѣстн.) и творит. п. ед. ч. *коме, њиме* и т. п.; въ *њихе* оно явилось подъ вліяніемъ дат.—твор. п. мн. ч. *њиме*, а въ *коме* (мѣстн.) и *њиме* (творит. п. ед. ч.) оно произошло изъ ударяемаго ѣ; сравни русск. *ономé—дни = ономь дни*, литовск. *tamè, tūtè* и т. п. Что ь въ сербск. языкѣ не вездѣ слилось съ ъ, это видно между прочимъ изъ формъ *кољ, огањ, нањ, поњ* и др. Ниже мы представимъ еще примѣръ сербскаго *е* изъ ударяемаго ь.

[3] Колосовъ, Записки Ак. Н., XXVIII, 74; XXX, 50; Обзоръ, 235.

тельно числа, которому принадлежатъ формы на *мѧ, едва ли можетъ быть сомнѣніе: въ сербскомъ языкѣ употребленіе формъ на *ме* въ значеніи формъ двойств. ч. никогда не было извѣстно, хотя остатки двойств. ч. существовали еще въ то время, къ которому относятся выписанныя нами раньше формы на *ме* [1]).

И такъ, русско-сербскія формы на *мѧ — формы дат.-твор. п. множ. ч. [illegible]

Сравнивая эти формы съ формами другихъ индо-европейскихъ языковъ, мы не можемъ не замѣтить, что они родственны съ формами множ. ч.: др. инд. дат.-отлож. п. на bhjas, лат. дат.-отлож.-твор. п. на bus, др. прусск. дат. п. на mans, литовск. дат. п. на mus, ms и слав. дат. п. на *мъ*; особенно же близко родственны они съ латинскими формами дат.-отлож.-твор. п. на bis (nobis изъ nobeis) [2]): и тѣ и другія — формы исключительно мѣстоименныя (въ славянскомъ языкѣ имена числительныя послѣдовали въ нѣкоторыхъ падежахъ мѣстоименіямъ); и въ тѣхъ и въ другихъ формахъ первоначальное *a* перешло въ *e*, которое въ праславянскомъ языкѣ вошло въ составъ ѧ. Въ то время, какъ славянскія формы на *мъ*, точно такъ же, какъ и др. прусск. на mans, лит. на mus, ms, сохранили значеніе только дат. п.,—формы на *мѧ* сохранили, кромѣ того, значеніе отложит. п., слившагося въ данномъ случаѣ съ твор. п., и этимъ объясняется ихъ двоякое употребленіе какъ формъ и дат., и твор. п.

Можно предположить, что двоякое употребленіе формъ на *мѧ было причиною того взаимнаго смѣшенія формъ дат. и твор. п., которое мы замѣчаемъ въ сербскомъ языкѣ и въ сѣв.-великорусск. нарѣчіи, и которое почти не встрѣчается въ другихъ славянскихъ языкахъ и нарѣчіяхъ.

---

[1]) Даничић, Историја, 231—236.

[2]) Полагаемъ, что nobeis вѣрнѣе возводить къ индо-евр. формѣ на bhjams, чѣмъ къ индо-европ. формѣ на bhims, bhis: ei въ nobeis могло замѣнить iē (*nobiēs) подъ вліяніемъ дат. п. ед. ч. *tibei*. Ср. Schleicher, Compend., 569.

Кромѣ формъ на *мя* въ русскомъ языкѣ существуютъ еще формы твор. п. мн. ч. на *ме* (*мѣ?*) и *мы*.

Формы на *ме* извѣстны очень мало: Договоръ Смоленскаго князя Мстислава съ Ригою 1229 года: пьредъ *судіяме* [1]), современное онежск. села съ *поселкаме* [2]); сюда же можетъ быть отнесено приведенное выше виленск. *веселенькимя*. Въ виду малочисленности данныхъ, объ этихъ формахъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Если предположить, что они по суффиксу тождественны съ нарѣчными формами на *мѣ*: ср. болг. *вельмѣ*, ст. сербск. *малъмѣ*, *трьзмѣ* [3]), современн. словинск. vekomê, ст. чешск. и современн. словацк. velmě, малорусск. (Кобринск. у.) *вельме*, то *судіяме* надо считать=*судіямѣ* и въ *мѣ* можно видѣть особый суффиксъ твор. п. мн. или дв. ч. [4]); но намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что нарѣчія *вельмѣ* и др. произошли изъ *вельми* или *вельма*, гдѣ *и* или *а* замѣнилось *ѣ*емъ подъ вліяніемъ формъ *крѣпцѣ*, *добрѣ*; сравни чешск. darmo, kolmo (изъ darma, kolma), образованныя по образцу skoro.

Формы на *мы* извѣстны въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ: онежск. *дѣвушкамы*, *молодушкамы*, *городамы*; въ настоящее время они принадлежатъ только именамъ существительнымъ, но нѣкогда ихъ имѣли и имена прилагательныя: новгородская грамота 1459—1470 г.: *малымы* островкы [5]), Ипатьевскій списокъ лѣтописи: *околнымы* сторонами [6]). Сюда же относится одна бѣлорусская нарѣчная форма: литовск. грамота 1350 года *вѣлмы* [7]), со-

---

1) Собраніе госуд. грамотъ, II, 3.

2) Рыбниковъ, III, 372.

3) Miklosich, Lexicon (2-е изданіе).

4) Прусикъ думаетъ, что *мѣ* въ ст. чешск. velmě восходитъ къ тому же суффиксу, къ которому восходитъ и *ма* въ *вельма*. Archiv für Slav. Phil., II, 702.

5) Акты Археогр. Эксп., I, 47.

6) Лѣтопись по Ипатск. сп., 613.

7) Головацкій, Памятники, 4.

временн. *вельмы* [1]), а также польскія (варшавскія и куявскія) формы nogamy, rękamy [2]). По нашему мнѣнію, всѣ эти формы—новообразованія, явившіяся изъ формъ на *ми* подъ вліяніемъ формъ твор. п. мн. ч. на *ы: сыны, селы*, и не имѣющія ничего общаго съ формами на **мѧ* [3]).

IV.

Дательный, творительный и мѣстный надежи множественнаго числа именъ съ основою на н.

На первыхъ страницахъ нашей такъ называемой Начальной лѣтописи мы встрѣчаемъ слѣдующія формы множ. ч. отъ именъ существительныхъ на *янинъ, ѣнинъ:* дат. п. *Вавилонямъ*, твор. п. *Древлями*, мѣстн. п. въ *Поляхъ*, въ *Деревляхъ*, на *Сѣверѣхъ* (сравни *Сѣверены* = *Сѣверѣны*). Приведенныя формы находятся въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи [4]); подобныя имъ имѣются и во всѣхъ другихъ спискахъ. Если мы обратимся къ другимъ славянскимъ языкамъ, то увидимъ, что такія формы существовали, а отчасти и въ настоящее время существуютъ въ языкахъ сербскомъ, словинскомъ и чешскомъ; именно въ древне-сербскихъ памятникахъ мы находимъ: дат. п. *грађамь*, *Дубровьчамь*, *Дѣтьчамь;* твор. пад. *Бошнами*, *Дубровчами;* мѣстн. п. *Височахь*, *грађахь*, *Дѣчахь*, *Заборахь*, *Комарахь* [5]); въ современн. словинск. языкѣ мы встрѣчаемъ: дат. п. Goričam, Svêčam; тв. п. Goričami, Svêčami; мѣстн. п. Goričach, Svêčach [6]); въ древне-чешскомъ: мѣстн. п. Vraňách [7]); нѣкоторыя др. чешскія формы этого рода суще-

---

[1]) Шейнъ, Бѣлор. п., 255.
[2]) Бодуэнъ-де-Куртенэ, О древне-польскомъ языкѣ, 68.
[3]) Сравни Kuhn's Beiträge, VI, 176.
[4]) Повѣсть временн. лѣтъ, 10, 11, 7, 9, 16.
[5]) Даничиħ, Историја, 95, 118, 135.
[6]) Miklosich, Vrgl. Gr., III, 134.
[7]) J. Jireček, Nákres mluvnice staročeské, 19.

ствуютъ и до сихъ поръ въ видѣ нѣмецкихъ мѣстныхъ названій: Dreulach и т. п. [1]). Надо полагать, что такія формы существовали и въ церковно-славянскомъ языкѣ; въ этомъ насъ убѣждаетъ форма дат. п. *Содомлямъ*, находящаяся съ одной стороны въ русскомъ Архангельскомъ Евангеліи 1092 года [2]), съ другой—въ сербскомъ Никольскомъ Евангеліи [3]), къ которой можно присоединить формы: дат. *Гоморамь* въ Никольскомъ Ев. [4]) и *Троямь* въ Хронографѣ Манассіи [5]), мѣстн. п. *Румѣхъ* въ Остромировомъ Ев. (ст҃аагo мч҃ка Климента *Румѣхъ* = Κλήμεντος ῥωμαίου) [6]) и въ сербской Минеѣ XVI вѣка (вь *Римѣхь* = apud Romanos) [7]), въ *Вислѣхъ* въ Паннонскомъ житіи св. Меѳодія по русскому списку [8]); въ послѣднихъ трехъ примѣрахъ за форму имен. п. надо принимать *Румѣнинъ*, *Римѣнинъ*, *Вислѣнинъ*.

Изъ вышесказаннаго видно, что формы *Полямъ*, *Полями*, *Поляхъ*—формы праславянскія.

Изслѣдователи даютъ имъ различныя объясненіи. Шафарикъ считаетъ ихъ происшедшими изъ формъ *Полянамъ* и т. д. чрезъ выпускъ суффикса *ан* [9]). Даничичъ видитъ въ нихъ остатки склоненія основъ на согласный и объясняетъ ихъ такимъ образомъ: при присоединеніи къ основѣ суффиксовъ *мъ*, *ми*, *хъ* конечный согласный основы—*н* ассимилировался съ *м* или *х* суффикса и затѣмъ былъ выброшенъ [10]). Миклошичъ отрицаетъ всякую связь указанныхъ формъ съ формами *Поляне*, *Полянъ* и считаетъ ихъ

---

1) Id., Archiv f. Sl. Phil., II.
2) Дювернуа, Ж. М. Н. Пр. 1878, X, 186.
3) Miklosich, Lexicon, v. *Содомлянинъ*.
4) Ibid.
5) Miklosich, Vrgl. Grammatik, III, 16.
6) Остромирово Ев., 242 об.
7) Miklosich, Lexicon, v. *Римъ*.
8) Ibid., v. *Висли*.
9) Elemente der altböhmischen Grammatik, 38.
10) Историја, 95, 118, 135.

происшедшими отъ основъ на *jâ* (им. п. ед. ч. **Поля*) [1].

Что касается до объясненія Шафарика, то несостоятельность производства формы *Полямъ* изъ формы *Полянамъ* видна уже изъ того, что послѣдней формы ни въ церковно-славянскомъ, ни въ древне-русскомъ (до XIV вѣка) языкахъ не существовало; поэтому мы остановимся только на объясненіяхъ Даничича и Миклошича и прежде на объясненіи послѣдняго.

Между словами, обозначающими названія народовъ, въ русскомъ, какъ и вообще въ славянскомъ языкѣ, дѣйствительно существуютъ слова женскаго рода на *а, я, ь: Морава, Меря, Русь;* со вторымъ изъ нихъ должно быть одинаково предполагаемое Миклошичемъ **Поля.* Какъ употребляются эти слова на тѣхъ же страницахъ Начальной лѣтописи, гдѣ находятся формы *Полямъ* и т. п., можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: начаша воевати на *Мараў* и на Чахи; пріяша Угри и *Марава,* Чеси и Ляхове; преложены книги *Маравѣ*; Меѳодіи оста в *Моравѣ*; имаху дань Варязи... на *Чюди* и на Словѣнехъ, на *Мери* и на всѣхъ Кривичѣхъ; поимъ... Варяги, *Чюдь,* Словѣни, *Мерю*; пояша всю *Русь*; собра... Варяги и Словѣни, *Чюдь* и Кривичи [2]); эти слова, какъ и другія имена собирательныя, склоняются только въ единственномъ числѣ [3]). Правда, можно указать въ Лаврентьевскомъ спискѣ форму мн. ч. в *Моравы* бо ходилъ [4]), но она находится въ мѣстѣ ис-

---

[1]) Vgl. Gram., III, 16, 291. Сравни впрочемъ ib., 208.

[2]) Повѣсть временныхъ лѣтъ по Лаврентьевскому списку, 17, 18, 13, 15, 13, 47.

[3]) Имена собирательныя на *а* и *я*, не означающія названій народовъ, въ XIV вѣкѣ начали уже употребляться въ формахъ множ. ч.; первый извѣстный намъ примѣръ такого употребленія находится въ Духовной Ивана Калиты 1328 года: по *попьямъ,* по всимъ *попьямъ* (им. п. ед. ч. *попья;* сравни *князья, княжья*). Собр. гос. гр. I, 32. Замѣтимъ кстати, что формы *Дерева* (иде в *Дерева*), *Деревѣхъ* (Пов. вр. л. по Лавр. сп. 28, 29)— винит. и мѣстн. п. мн. ч. отъ *дерево* и не имѣютъ ничего общаго съ разсматриваемыми нами формами.

[4]) Повѣсть врем. лѣтъ, 18.

порченномъ, какъ видно изъ контекста Ипатьевскаго списка: *Моравы* бо доходилъ, гдѣ *Моравы* — род. п. ед. ч.; въ Ипатьевскомъ спискѣ находимъ также форму мн. ч.: имаху дань Варязи на Чюди и на Словѣнехъ и на *Мѣряхъ* и на всѣхъ Кривичѣхъ, но *Мѣряхъ* — позднѣйшая поправка, какъ видно изъ соотвѣтствующаго мѣста Лаврентьевскаго списка (приведено выше). Итакъ, если слова *Морава, Меря, Русь* склоняются въ Начальной лѣтописи только въ единственномъ числѣ, то нѣтъ никакого основанія думать, чтобы однородныя съ ними слова **Поля* и т. п. могли употребляться и во множ. ч. Сверхъ того, формы ед. ч. **Поля*, **Полѣ*, **Поли* и т. д. и мн. ч. **Полѣ* (им. п.), **Поль* (род. п.) или имъ подобныя ни въ одномъ славянскомъ нарѣчіи неизвѣстны. Форма *Норича*, находящаяся въ русской Палеѣ XIV вѣка (отъ Афета же си суть рожешіися языци... Мидои, Каподокіи..., *Норича*, иже суть Словѣни [1]), — если не описка, то форма им. (собственно винит.) п. мн. ч. = ц. слав. **Норичѧ* (им. п. ед. ч. *Норичь*, какъ *Кривичь*). Современныя словинскія формы вин. п. мн. ч. Goriče, Svéče принадлежатъ къ числу новообразованій и явились благодаря формамъ Goričam, Goričami, Goričach и т. п.

Въ виду этого мы не можемъ принять объясненія Миклошича.

Что касается до объясненія Даничича, то мы можемъ принять его въ главной его части. Им. п. мн. ч. *Поляне*, род. п. *Полянъ* (сравни *камене* и *каменъ*) ясно показываютъ, что слово *Поляне* имѣетъ основу на согласный звукъ (n); на то же указываетъ и чередованіе въ другихъ падежахъ формъ, подобныхъ *Содомлянемъ* (Зографское Ев.) и *крьстьяномъ* (Клоц. Гл.), *Египтѣни* (ibid.) [2]) и *Древляны* (Нач. лѣтопись), встрѣчающееся только въ склоненіи именъ съ основою на согласный: тв. п. мн. ч. *каменьми* и *камены*.

---

[1]) Извѣстія, X, 670.

[2]) Miklosich, Vgl. Gr., III, 15.

Въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ въ склоненіи основъ на n мы находимъ слѣдующія формы:

	др. инд.	др. бактр.	греч.
дат. п.	açmabhjas	açmabjô	
твор.	açmabhis		
мѣстн.	açmasu	açmahu	ἀκμόσιν
	(основа açman)		(основа ἄκμον).

Этимъ формамъ вполнѣ соотвѣтствуютъ слав. *Полямъ* (изъ **Полян-мъ*), *Полями* (изъ **Полян-ми)*, *Поляхъ* (изъ **Полян-хъ)*. Выпаденіе *н* можно бы считать происшедшимъ здѣсь еще въ индо-европейскій періодъ, но чешскій языкъ сохранилъ формы, показывающія, что оно произошло (по крайней мѣрѣ въ мѣстномъ п.) уже на славянской почвѣ. Въ древнѣйшихъ его памятникахъ мы находимъ формы мѣстн. п. Lužás, Dolás, Lubčás, Wrbčas, Břěžás, Komorás и т. п. [1]): сохраненіе *с* (изъ индо-европ. s), между двумя гласными почти постоянно переходящаго въ *х*, указываетъ на то, что передъ этимъ *с* находился нѣкогда другой согласный звукъ, именно *н*. Эти чешскія формы, конечно, древнѣе формъ *Поляхъ* и т. п. (хотя и эти послѣднія—праславянскія) и относятся къ нимъ точно такъ же, какъ форма 1 лица ед. ч. ц.-слав. аориста *привѧсъ* относится къ формѣ *привѧхъ*: и *Поляхъ*, и *привѧхъ* — новообразованія, обязанныя своимъ происхожденіемъ аналогіи формъ *рабѣхъ*, *несохъ* и т. п.

V.

Родительный и винительный, дательный и мѣстный падежи единственнаго числа мѣстоименій личныхъ и возвратнаго.

Въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ существуютъ формы дат. п. *тѣ*, *сѣ*: я *тѣ* дамъ, я жену *сѣ* [2]);

---

1) Schafarik, Elemente, 38.

2) Въ нѣкоторыхъ сѣв.-в. русск. говорахъ, вмѣсто *сѣ*,

съ ними одинаковы по образованію малорусскія (украинск. и галицк.) *мі, ті, сі*. Подобныя формы, въ генетическомъ отношеніи независимыя отъ русскихъ, существуютъ въ языкахъ сербскомъ (грло *те* болело!), чешскомъ (tě), моравскомъ [1]), польскомъ [2]). Колосовъ и Миклошичъ находятъ возможнымъ считать великорусскія формы *тѣ, сѣ* образовавшимися изъ *теѣ, сеѣ* чрезъ стяженіе [3]), но противъ такого объясненія говоритъ уже то обстоятельство, что формы *тѣ, сѣ* употребляются и въ тѣхъ южно-в. русскихъ говорахъ, въ которыхъ (какъ въ московскомъ) формы *теѣ, сеѣ* неизвѣстны. По нашему мнѣнію, в. русск. и бѣлорусск. *тѣ, сѣ*, малорусск. *мі, ті, сі* произошли вслѣдствіе вліянія на формы *ми, ти, си* формъ *мнѣ, тебѣ, себѣ*: *ѣ* этихъ послѣднихъ перешло въ формы *ми, ти, си* и замѣнило въ нихъ собою *и*.

Насколько древни эти формы, трудно рѣшить. Возможно, что въ русскомъ языкѣ они существуютъ съ давняго времени; на это указываетъ форма *те* (се пишю къ *те*, чадо узлюбленое), которая намъ попалась въ поученіи черноризца Георгія по южнорусскому списку XIII вѣка [4]); но эта форма крайне рѣдкая и уже по этому одному весьма сомнительная.

Въ южно-в. р. и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ форма *тѣ*

слышится *сё* (Колосовъ, Зап. Ак. Н., XXX, 44).— Что въ женю *сѣ, сѣ*—форма дат. п., на это указываетъ *си* въ женю*си*. Въ древности съ дат. п. возвратнаго мѣстоименія соединялись только нѣкоторые глаголы, управлявшіе дат. п. (напримѣръ, ц. слав. *съжалити си*), но впослѣдствіи форма дат. п. возвратнаго мѣстоименія перешла къ глаголамъ, управлявшимъ вин. п., и на оборотъ, форма вин. п. возвратнаго мѣстоименія—къ глаголамъ, управлявшимъ нѣкогда дат. п. (*сжалиться*).

1) Šembera, Zakladové dialektologie česko-slovenské, 36.

2) Malinowski, Beiträge z. Slav. Dialektologie, 50.

3) Обзоръ, 234; Vgl. Gramm., III, 303.

4) Срезневскій, Свѣд. и Зам., VII, 161 (Зап. Ак. Н. IV). Что этотъ списокъ южно-русскій, видно изъ написаній *повичѣнье, весѣлье* и т. п.

употребляется не только въ значенiи дат., но и въ значенiи род.-вин. п., конечно, вслѣдствiе влiянiя именныхъ формъ род.-винит. на *ѣ*: ю.-в. р. волкъ *тѣ* съѣшь, бѣлор. у *цѣ*. [1]).

Въ сѣверно-в. русскомъ нарѣчiи и немногихъ говорахъ южно-в. русскаго употребляются формы род. п. *тiя, сiя, тея, сея* и дат. п. *тiѣ, сiѣ, теѣ, сеѣ, тоѣ, соѣ* [2]), неизвѣстныя ни въ памятникахъ великорусскаго нарѣчiя стараго времени, ни въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчiяхъ, ни въ другихъ славянскихъ языкахъ. Гг. Потебня [3]), Колосовъ [4]) и Миклошичъ [5]) считаютъ ихъ происшедшими изъ формъ *тебя, себя, тебѣ, себѣ* чрезъ выпускъ *б*; но *б* въ русскомъ языкѣ между гласными никогда не выпадаетъ (одинъ примѣръ *баушка*, вмѣсто *бабушка*, ничего не доказываетъ), а потому объясненiе названныхъ ученыхъ не можетъ быть признано удовлетворительнымъ. По нашему мнѣнiю, эти формы образовались инымъ путемъ. Къ формамъ дат. п. ед. ч. *ти, си*, подъ влiянiемъ формъ *тебѣ, себѣ*, присоединилось окончанiе этихъ послѣднихъ—*ѣ*, и такимъ образомъ они дали формы *тiѣ, сiѣ*, по образованiю такiя же, какъ и русск. *двухъ*, польск. dwuch, obuch, образованныя чрезъ присоединенiе къ окончанiю род. п. дв. ч. *у* окончанiя род. п. мн. ч. *хъ*; словинск. тв. п. ед. ч. ribum, ženum, образованныя чрезъ присоединенiе къ окончанiю тв. п. ед. ч. u (=ц. слав. *ѫ*) окончанiя

---

[1]) Шейнъ, Бѣлор. п., 280.

[2]) Ежегодникъ Владимирск. Губ. Стат. Комит. I, 85, 86 (меленковск. говоръ); 122, 123, 125 (муромск.); Кирѣевскiй, I, 34, 38 (нижегородск.); Этн. Сб., I, 143, 161 (ситск.); II, 4 (пошехонск.) и др. Формы *тоѣ, соѣ* (произносятся *таѣ, саѣ*) извѣстны только въ говорѣ новосильскомъ, Тульской губ. (Этн. Сб. II, 99).

[3]) Два изслѣдованiя, 90.

[4]) Обзоръ, 196.

[5]) Vgl. Gramm., III, 303.

того же пад. m (= ц. слав. *мь*); моравск. 3 л. мн. ч. zvoniju, strojiju [1]), образованныя чрезъ присоединеніе къ окончанію 3 л. ми. ч. i (= ц. слав. ѧ) окончанія u (=ц. слав. ѫ), и друг. Формами дат. п. *тiѣ*, *сiѣ* были вызваны къ существованію формы род. *тiя*, *сiя*, съ окончаніемъ формъ *тебя*, *себя*.

Формы *теѣ*, *тея*, *сеѣ*, *сея* или образовались изъ *тiѣ* и пр. подъ вліяніемъ формъ *тебѣ* (какъ *тоѣ*, *соѣ* — подъ вліяніемъ *тобѣ*, *собѣ*), или въ ихъ основаніе легли не формы *ти*, *си*, а формы *тѣ*, *сѣ*.

Въ сложеніи съ глаголами формы возвратнаго мѣстоименія, вмѣсто *ся*, *си*, *сё* (изъ *сѣ*), иногда звучатъ *са*, *сы*, *со*: бил*са*, бил*сы*, бил*со*. Изъ этихъ формъ первая распространена въ разныхъ говорахъ великорусскаго нарѣчія (встрѣчается изрѣдка и въ малорусскомъ: обещав*са* [2]); вторая намъ извѣстна изъ пошехонскаго [3]), третья — изъ онежскаго и мезенскаго [4]) говоровъ. Въ старинныхъ памятникахъ русскаго языка формъ *сы* и *со* намъ не встрѣчалось, форма же *са* въ нихъ сравнительно не рѣдкость, начиная съ XIV вѣка; къ нему относится Сильвестровскій сборникъ, въ которомъ мы читаемъ: наслади*са* [5]).

Изъ ученыхъ на эти формы обратилъ вниманіе только Колосовъ; онъ признаілъ ихъ происшедшими изъ формъ *ся*, *си*, *сё* путемъ отвердѣнія *с* [6]). Мы можемъ согласиться только съ первою частью этого объясненія: формы *са*, *сы*, *со* дѣйствительно образовались изъ формъ *са*, *си*, *сё*; но мы должны отвергнуть вторую его часть; отвердѣніе *с*, какъ

---

[1]) Sušil, Moravské nár. p., 23.
[2]) Труды этн.-ст. Эксп., II, 16 (Заславск. у.).
[3]) Этн. Сб., II, 7.
[4]) Колосовъ, Зап. Ак. Н., XXX, 44.
[5]) Извѣстія, X, 650.
[6]) Обзоръ, 155—156.

признаетъ самъ Колосовъ, совершенно неизвѣстно въ русскомъ языкѣ, ни въ древнемъ, ни въ новомъ [1]).

Наше мнѣніе о происхожденіи этихъ формъ таково. Какъ скоро конечные глухіе звуки *ъ* и *ь* стали исчезать изъ произношенія, — падежныя формы возвратнаго мѣстоименія, присоединяясь къ глаголу въ 3 лицѣ ед. и мн. ч. и къ супину, соприкасались непосредственно съ конечнымъ *т* глагола (мягкимъ, или твердымъ,—все равно), и *с* мѣстоименія подвергалось ассимиляціи съ этимъ *т*, результатомъ которой былъ переходъ *с* въ *ц*, первоначально, конечно, мягкое: бьет*ця*, бьет*ци*, бьет*цѣ*. По памятникамъ *ц* изъ *с* извѣстно намъ только съ XV вѣка, но едва ли можетъ быть сомнѣніе, что оно явилось гораздо раньше. Это *ц* имѣло ту же судьбу, что и всякое другое *ц* (изъ *к*), т. е. въ нѣкоторыхъ говорахъ, во всѣхъ или только въ немногихъ случаяхъ, подверглось отвердѣнію; такимъ образомъ явились формы бьёт*ца*, бьёт*цы* [2]), бьёт*цо* [3]). Твердость согласнаго звука сообщилась отъ нихъ и тѣмъ формамъ возвратнаго мѣстоименія, въ которыхъ *с* сохранилось, т. е. при бьёт*ца* явилось бил*са*, при бьёт*цы* — бил*сы* и т. д.

Какъ форма *ся* въ сокращеніи звучитъ *сь:* бью*сь*, такъ форма *са* звучитъ *съ*: бью*съ*.

Изъ другихъ славянскихъ языковъ формы, подобныя русскимъ *са, сы, со,* встрѣчаются только въ словацкомъ и и верхне-лужицкомъ, именно въ первомъ sa, во второмъ so (=ц. слав. *сѧ*); они, очевидно, не находятся въ связи съ русскими формами, и потому мы не имѣемъ надобности говорить объ ихъ образованіи.

---

[1]) Намъ могутъ указать на слова *суда, отсуда,* какъ на происшедшія изъ *сюда, отсюда* чрезъ отвердѣніе *с*. Но *суда* и *сюда* — слова разнаго происхожденія; сравни ц. слав. *сѫду*, др. русск. *ѿсудѣ* (Архангельск. Ев.; Амфилохій, Описаніе, 23).

[2]) Этнограф. Сб., II, 7.

[3]) Колосовъ, Зап. Ак. Н. XXX, 44.

VI.

Склоненіе членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій.

Склоненіе членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій въ славянскихъ языкахъ раздѣляется на два вида: къ первому относятся тѣ падежныя формы, которыя образованы чрезъ присоединеніе падежной формы члена (мѣстоименія *и)* къ соотвѣтствующей формѣ имени или мѣстоименія; ко второму относятся тѣ, которыя произошли путемъ присоединенія падежной формы члена къ одной и той же формѣ имени или мѣстоименія. Къ какому виду относятся существующія въ современномъ русскомъ языкѣ формы членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій?

Что касается до имен. и вин. п. всѣхъ чиселъ и родовъ, то ихъ формы принадлежатъ несомнѣнно къ первому виду: в. русск. *слѣпой,* бѣлор. *слѣпый,* малор. *сліпий* и т. д. есть не что иное, какъ *слѣпъ-и* и т. д. [1]).

Формы род. п. ед. ч. муж.-ср. р. оканчиваются въ сѣв.-в. р. нарѣчіи на *ово, ова,* въ южн.-в. р. на *ова* (если удареніе на второмъ отъ конца слогѣ) и *ава* (если на этомъ слогѣ ударенія нѣтъ), въ бѣлор. *ога* и *ага* (условіе существованія *о* или *а* такое же, какъ въ южно-в. р.), въ малор. *ого.* Принимая въ соображеніе, что формы на *ава, ага* извѣстны только въ акающихъ нарѣчіяхъ, мы должны признать:

1) что въ основѣ современныхъ русскихъ формъ род. п. ед. ч. муж.-ср. р. лежитъ форма *ого;*

2) что южно-в. р. и бѣлор. формы на *ава* и *ага* принадлежатъ къ числу рефлексовъ ея, а не формы на *аго,* и

3) что этой послѣдней формы (или ея рефлексовъ) въ современномъ русскомъ языкѣ не существуетъ.

---

[1]) Все, что мы говоримъ о формахъ на *ый, ой, ого, аго* и пр. относится, mutatis mutandis, и до формъ на *ій, ей, его, яго* и пр.

Противъ послѣдняго вывода, повидимому, говорятъ фамиліи *Бѣла́го, Жива́го, Мертва́го* (произносятся такъ, какъ пишутся), представляющія формы род. п. ед. ч. муж. р. отъ именъ прилагательныхъ, но они, какъ показываетъ сохраненіе *г* и удареніе на второмъ слогѣ, не могутъ считаться чисто русскими: въ основу ихъ легли русскія правописныя формы *бѣлаго, живаго, мертваго* и существующее произношеніе установилось гдѣ-нибудь среди Поляковъ, подъ вліяніемъ польскаго языка. Сравни вполнѣ русскія фамиліи *Ма́лово, Солово́во, Хитрово́* (вм. *Хи́трово*) и др.

Формы на *ого*, очевидно, не имѣютъ ничего общаго по образованію съ формами на *аго* и относятся ко второму виду.

Что касается до древне-русскаго языка, то въ памятникахъ его извѣстны формы и на *аго*, и на *ого:* надпись на антиминсѣ 1149 года: *новгородьского, ростовъскъго* [1]), новгородская грамота 1189—1199 г.: *старого* [2]), съ тѣмъ впрочемъ различіемъ, что первыя встрѣчаются по преимуществу въ тѣхъ памятникахъ, въ языкѣ которыхъ болѣе или менѣе сильно чувствуется церковно-славянскій элементъ; въ другихъ же (въ грамотахъ и актахъ свѣтскаго характера) они очень рѣдки. Поэтому можно думать, что формы на *аго* въ живомъ древне-русскомъ языкѣ въ историческое время его существованія или существовали въ незначительномъ числѣ, или, что болѣе вѣроятно, совсѣмъ не существовали. Замѣтимъ, что современные славянскіе языки, имѣющіе формы на *ого* (сербск., словинск., верхнелужицк. яз.), не знали и не знаютъ формъ на *аго* или ихъ рефлексовъ [3]).

---

1) Извѣстія, X, 96.

2) Русско-Лив. Акты, 1.

3) Въ древнихъ сербскихъ грамотахъ изрѣдка встрѣчаются и формы на *аго*, но ихъ (какъ и нѣкоторыя другія находящіяся тамъ формы) не слѣдуетъ признавать за чисто-сербскія, какъ показываетъ конечное *о*.

Формы род. п. ед. ч. женск. р. въ современномъ русскомъ языкѣ существуютъ въ двухъ видахъ: 1) на *оѣ* и 2) на *ыѣ* съ ихъ рефлексами. Формы на *ыѣ* теперь встрѣчаются (почти исключительно въ пѣсняхъ) въ нарѣчіяхъ великорусскомъ, бѣлорусскомъ и очень рѣдко въ малорусскомъ, причемъ на *ы* лежитъ иногда удареніе; въ русскихъ грамотахъ и актахъ, до XVII вѣка включительно, мы находимъ ихъ очень часто, напримѣръ: у *переяславьскіе* соли (московск. гр. 1432 г.), отъ *Архангельскіе* деревни (устюжск. гр. 1555 г.), *такіе ложные воровскіе духовные* писать не велѣть (суздальская гр. 1646 г.) [1]). Они одного образованія съ ц. слав. на *ыѧ* и принадлежатъ къ первому виду склоненія членныхъ именъ прилагат. и мѣстоименій (*ыѣ* изъ *ы+еѣ*).—Формы на *оѣ* не имѣютъ ничего общаго съ формами на *ыѣ* и извѣстны въ русскомъ языкѣ съ давняго времени: Успенскій Торжественникъ XII вѣка: съмрьти тоѣ *пагубьноѣ*, на мѣстѣ *ветъхоѣ деревяноѣ* (церкви) [2]). Они относятся ко второму виду.

Относительно формъ дат. п. ед. ч. муж.-ср. р. на *ому* не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что они принадлежатъ также ко второму виду. Они встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ памятникахъ; напримѣръ, въ Мстиславовомъ Евангеліи XII вѣка мы находимъ: *худому*, въ Монастырскомъ уставѣ того же вѣка: *стцному* таиньству [3]). Съ ними не имѣютъ ничего общаго формы на *уму*, извѣстныя въ церковно-слав. языкѣ и встрѣчающіяся въ тѣхъ русскихъ памятникахъ XI—XIV в., въ которыхъ ц.-славянскій элементъ особенно силенъ; ихъ въ историческую эпоху живой русскій языкъ, вѣроятно, не зналъ, какъ не знали и не знаютъ языки сербскій, словинскій и верхне-лужицкій, употребляющія только формы на *ому*.

Формы дат. п. ед. ч. женск. р. на *ой* (др. русск. *ои*, малор. *ій, уй*) извѣстны съ давняго времени: надпись на

---

[1]) Акты, изд. Калачовымъ, I, 91, 217, 261.
[2]) Чтенія 1870, I, 12 об., 13 об. (сказ. о Б. и Гл.).
[3]) Извѣстія, X, 90, 511.

крестѣ послѣ 1211 года: давшюму... *стои* Соѳіи [1]), и принадлежатъ ко второму виду. Формы на *ѣи*, которыя нерѣдко встрѣчаются въ древне-русскихъ памятникахъ (въ тѣхъ же, въ какихъ встрѣчаются и формы на *аго* и *уму*), въ современномъ русскомъ языкѣ неизвѣстны. Можно предполагать, что въ живомъ древне-русскомъ языкѣ они или существовали въ незначительномъ числѣ, или совсѣмъ не существовали; встрѣчающіяся изрѣдка въ др. русскихъ памятникахъ формы въ родѣ *прр҇чьскѣи* (Златоструй XII в.) [2]), подобныхъ которымъ нѣтъ въ ц. слав. языкѣ, не могутъ говорить противъ послѣдняго предположенія, такъ какъ они могли произойти чрезъ присоединеніе къ русск. формѣ *пророчьскои* ц. слав. окончанія; сравни нерѣдкія въ др. русскихъ памятникахъ формы *бремя, прежe, злото* [3]), *новъгородьскуому* [4]), происшедшія чрезъ соединеніе въ одно цѣлое русскихъ и ц. славянскихъ формъ: *бремя* — чрезъ соединеніе рус. *беремя* и ц. слав. *брѣмѧ*, и т. д.

Замѣтимъ, что изъ другихъ славянскихъ языковъ въ настоящее время ни одинъ не знаетъ формъ на *ѣи*; въ древнѣйшій періодъ они достовѣрно существовали, кромѣ ц. славянскаго и средне-болгарскаго, только въ чешскомъ языкѣ, и то въ самомъ незначительномъ числѣ [5]).

Сказанное о формахъ дат. п. на *ой* и *ѣи* относится и до тождественныхъ съ ними формъ мѣстнаго п.

Относительно формъ твор. п. ед. ч. муж.-ср. р. на *ымъ* (др. русск. *ымь)* и женск. р. на *ою (ой)* не можетъ быть сомнѣнія, что они, какъ и тождественныя съ ними формы другихъ славянскихъ языковъ, не исключая и церковно-славянскаго,—относятся ко второму виду.

Формы мѣстн. п. ед. ч. муж.-ср. р. на *омъ* (др. русск. *омь*, малор. *імъ, умъ)* извѣстны въ русскомъ языкѣ очень

---

[1]) Ibid., 172.
[2]) Малининъ, Изслѣдованіе о Златоструѣ, 273.
[3]) Надпись 1161 г. Извѣстія, X, 101.
[4]) Мстиславово Ев. Ibid., 88.
[5]) Schafarik, Elemente, 65.

давно: Договоръ Смоленска съ Ригою 1230 года: на *гъть-скомь* бѣрѣзѣ [1]), и принадлежатъ ко второму виду. О существованіи въ русскомъ языкѣ формъ на *ѣмь* можно сказать то же, что и о формахъ дат. п. на *ѣи*. Замѣтимъ, что въ другихъ славянскихъ языкахъ формъ на *ѣмь* неизвѣстно въ настоящее время; въ древности они достовѣрно существовали, кромѣ ц. славянскаго и средне-болгарскаго, только въ чешскомъ языкѣ, и то въ самомъ незначительномъ числѣ [2]).

Изъ формъ множ. ч. только одна форма род. п. всѣхъ родовъ (именъ) принадлежитъ къ первому виду *(слѣпыхъ= слѣпъ+ихъ)*; формы остальныхъ косвенныхъ падежей принадлежатъ ко второму виду. — То же самое мы видимъ и во всѣхъ другихъ славянскихъ языкахъ.

Что касается до формъ род.-мѣстн. п. дв. ч., теперь уже не существующихъ, то въ др. русск. языкѣ они оканчивались не только на *ую*, какъ въ ц.-слав. языкѣ, но и на *ою:* Тріодь постная XI вѣка: отъ *прѣчистою* руку [3]), Мстиславово Ев.: *стою* мчнку [4]), Успенскій Торжественникъ *стою* и *блаженою* страстрьпьцю [5]), *стою* мчнку (род. п.), о *стою* мчку (мѣстн. п.) [6]). Послѣднія формы принадлежатъ ко второму виду. Существовали ли въ живомъ русскомъ языкѣ формы на *ую*, по неимѣнію данныхъ, нельзя рѣшить.

Формы дат.-тв. п. дв. ч. всѣхъ родовъ на *ыма*, существующія и теперь въ сѣв.-в.-русскихъ говорахъ въ значеніи твор. п. мн. ч., принадлежатъ ко второму виду, какъ и тождественныя съ ними формы другихъ славянскихъ языковъ.

Такимъ образомъ изъ современныхъ русскихъ падеж-

---

1) Извѣстія, X, 600.
2) Jireček. Nákres mluvnice st.-české, 31.
3) Ibid., 445,
4) Ibid., 115.
5) Чтенія, 1879, I, 1.
6) Ibid., 1870, I, 9 об.

ныхъ формъ членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій (кромѣ имен. и винит.) къ первому виду достовѣрно принадлежатъ только двѣ формы род. п.: ед. ч. на *ыѣ* и мн. ч. на *ыхъ;* всѣ же остальныя принадлежатъ ко второму виду, т. е. состоятъ изъ падежныхъ формъ въ соединеніи съ одной и той же формою имени или мѣстоименія.

Обыкновенно полагаютъ, что въ формахъ втораго вида соединяется съ формами члена основа имени или мѣстоименія, т. е. *слѣпо̆го* состоитъ изъ основы *слѣпо* и род. п. *его, слѣпымъ*—изъ основы *слѣпъ* и дат. п. *имъ,* и т. п. Но такое объясненіе возбуждаетъ три важныхъ вопроса: 1) откуда взялась въ этихъ формахъ основа, когда они (въ чемъ нельзя сомнѣваться) сравнительно новаго происхожденія? 2) почему въ однихъ падежахъ (передъ *е*) эта основа оканчивается на *о*, а въ другихъ (передъ *и*)—на *ъ*? и 3) почему *о* и *е* стянулись въ одинъ звукъ, когда въ *моего* они не стягиваются? На эти вопросы не существуетъ никакихъ сколько-нибудь удовлетворительныхъ отвѣтовъ [1]).

Сопоставленіе формы *слѣпого* съ формою *слѣпымъ,* которая состоитъ несомнѣнно изъ *слѣпъ*+*имъ,* показываетъ, что въ составъ *слѣпого* входитъ также форма *слѣпъ,* тождественная по звукамъ съ нечленною формою им.-вин. п. ед. ч. муж. р. (именъ и мѣстоименій) и род. п. мн. ч. всѣхъ родовъ (именъ), и *слѣпого* произошло изъ *слѣпъ*+*его* чрезъ ассимиляцію *ъ* и *е* и затѣмъ стяженіе ихъ въ одинъ

---

[1]) Подробная критика этого мнѣнія въ сочиненіи Лескина Die Declination im Sl.-litauischen, 131—134. Есть другое мнѣніе, по которому формы на *ого* (но не на *ымъ*) представляютъ образованія по образцу мѣстоименныхъ формъ *того* и др.; но неосновательность его очевидна: долгота *о* въ сербск. *слије-по̑га* (при *то̑га*) и *е* въ чешск. slepém (при tôm, jěm) показываетъ, что здѣсь стянуты два звука; кромѣ того, помимо долготы *е,* самый этотъ звукъ чешской формы говоритъ противъ приведеннаго мнѣнія.

звукъ — *ô* [1]). Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности представить другіе примѣры подобныхъ ассимиляціи и стяженія. Формъ, гдѣ должны стоять рядомъ *ъ* и *е*, крайне мало, да и тѣ принадлежатъ къ числу глагольныхъ: др. русск. *мъешь, мъеть*. Здѣсь стяженія *ъ* и *е* въ *о* не могло произойти, такъ какъ ему препятствовали съ одной стороны тѣ формы, въ которыхъ стяженіе *ъ* съ послѣдующимъ гласнымъ не могло имѣть мѣста (*мъю, мъють*), съ другой — потребность рѣзко обозначить корень, отдѣливъ его отъ суффикса. Вслѣдствіе тѣхъ же причинъ не подверглись стяженію формы ц.-слав. *мыѥтъ*, чешско-польскія *тује* и друг., хотя *ы* и *е* въ ц.-славянскомъ, *ы* и *ѣ* въ чешскомъ и польскомъ языкахъ въ другихъ случаяхъ стягиваются; род. п. ед. ч. *слѣпыѩ* изъ *слѣпы*+*ѥѩ*, вин. п. мн. ч. slepé изъ slepy+je.

Падежная ли форма — форма *слѣпъ*, входящая въ составъ *слѣпого, слѣпымъ*, и, если падежная, то какому именно падежу она принадлежитъ? Думаемъ, что ее можно считать формою им. п. ед. ч. и что въ формахъ *слѣпого, слѣпымъ* мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ явленіемъ, которое довольно обычно какъ въ русскомъ, такъ и въ другихъ существующихъ нынѣ славянскихъ языкахъ, и не чуждо и языку церковно-славянскому. Оно состоитъ въ томъ, что если стоятъ рядомъ два (или даже три) склоняемыхъ слова, тѣсно связанныя между собою логически и грамматически, то они могутъ составлять какъ бы одно цѣлое, т. е. при склоненіи можетъ измѣняться по падежамъ только послѣднее изъ нихъ, первое же (или первыя) можетъ оставаться

---

[1]) Въ русскомъ, какъ и въ церк.-слав., сербскомъ и словинскомъ языкахъ, въ древности, при ассимиляціи двухъ гласныхъ, первый изъ нихъ всегда одерживалъ верхъ надъ вторымъ; въ чешскомъ и польскомъ языкахъ наоборотъ — второй звукъ ассимилировалъ съ собою первый. Этимъ объясняется то, что въ slepém (изъ *слѣпъ*+*емъ*) мы видимъ твердое é. — Что касается до формъ *синего* и т. п., то они могли образоваться по образцу *слѣпого*.

въ им. п. ед. ч.: русск. современн.: ждемъ *князь Петръ* Ильича, умнѣе... *князь* Петра (Грибоѣдовъ), *Нов*—города, *ковыль*—травы, *душа*—красной дѣвицы, *Москва*—рѣки, старинн. *княжь* Иванова сына, *княжь* Ѳедоровы руки (акты XV—XVII в.), *буй* туру Всеволоду (Слово о п. Иг.); ц.-слав. *Іс* Хмъ (Остромирово Ев.), *Іисусъ* Христоса (Изборн. Святосл. 1073 г.) [1]).

Можно полагать, что форма имен. п. ед. ч. муж. р. очень рано (еще въ праславянскій періодъ) совершенно вытѣснила въ склоненіи членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій тѣ падежныя формы, которыя длиннѣе ея слогомъ; по крайней мѣрѣ формъ, образовавшихся изъ *слѣпомь+имь, слѣпоѭ+еѭ, слѣпомъ+имъ* и т. д., мы не находимъ ни въ одномъ славянскомъ языкѣ; но падежныя формы, равныя съ нею по числу слоговъ, продолжали существовать еще долгое время; именно, мы находимъ ихъ въ полномъ числѣ въ церковно-славянскомъ языкѣ, гдѣ они совсѣмъ или почти совсѣмъ вытѣснили соотвѣтствующія формы втораго вида; въ русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ, наоборотъ, они очень рано были вытѣснены формами втораго вида и сохранились, какъ показано выше, только въ небольшомъ числѣ.

Если мы правы, думая, что формы *слѣпого, слѣпымъ* состоятъ изъ им. п. ед. ч. *слѣпъ* и род. *его*, дат. *имъ*, то они сходны по образованію съ греческими формами *ἐμαυτοῦ, σεαυτοῦ, ἑαυτοῦ, ἐμαυτῷ, σεαυτῷ, ἑαυτῷ, ἑαυτῶν, ἑαυτοῖς, ἑαυτούς,* состоящими изъ вин. п. ед. ч. мѣстоименій личныхъ и возвратнаго и разныхъ падежей мѣстоименія *αὐτός* [2]).

Въ современномъ великорусскомъ (изрѣдка и въ бѣлорусскомъ) нарѣчіи, кромѣ обычныхъ формъ именъ прила-

---

[1]) Буслаевъ, Историч. грамматика, II, 238—242; здѣсь приведенъ рядъ прекрасно подобранныхъ примѣровъ.

[2]) G. Meyer, Griechische Gramm., 344.

гательныхъ и мѣстоименій на *ой, омъ, ымъ, ыхъ* мы находимъ рядъ другихъ формъ, которыя можно назвать растяженными: *доброей, доброемъ, добрыимъ — добрыемъ, добрыихъ—добрыехъ*. Изъ нихъ именныя формы: *доброей, добрыихъ — добрыехъ* употребляются только въ пѣсняхъ, а формы мѣстоименныя *тоей — тоёй, одноей — одноёй, тыихъ — тыехъ* обычны и въ разговорномъ языкѣ.

Формъ, подобныхъ *доброей, добрыехъ* не существовало и не существуетъ ни въ одномъ славянскомъ языкѣ; формы въ родѣ *добрыихъ* употреблялись въ церковно-славянскомъ языкѣ.

Изслѣдователи видятъ въ указанныхъ русскихъ формахъ архаизмы, но, какъ мы полагаемъ, — неосновательно. Въ древне-русскихъ памятникахъ XI—XIV в. мы находимъ формы въ родѣ *добрыихъ*, но только въ тѣхъ, которые по языку не могутъ быть названы чисто русскими; въ грамотахъ же и актахъ свѣтскаго характера такія формы до такой степени рѣдки, что мы можемъ указать только одну, и то мѣстоименную: князь *тыихъ* (род. п.) въ литовской грамотѣ 1264 года [1]), дошедшей до насъ въ копіи XIV вѣка. Уже одно это обстоятельство заставляетъ сильно сомнѣваться въ принадлежности живому древнерусскому языку растяженныхъ формъ; наши сомнѣнія подтверждаются слѣдующимъ: рядомъ съ правильными растяженными формами въ древне-русскихъ памятникахъ встрѣчаются и неправильныя: Минея XI вѣка: *твоеимъ пове(лѣ)ніемь* [2]); Евгеніева Псалтырь XI вѣка: *нашіими* дѣтьми [3]); Монастырскій уставъ XII вѣка: *инѣими* рѣчми [4]); Успенскій Торжественникъ: очима *добраама* [5]); Юрьевское Евангеліе: *галилеисцѣихъ* [6]) и т. п. Эти образованія, конечно,

---

1) Р.-Лив. Акты, 13.
2) Извѣстія, X, 337.
3) Ibid., 478.
4) Ibid., 511.
5) Чтенія, 1870 г., I, 8 об.
6) Амфилохій, Описаніе Юр. Ев., 142.

никогда не существовавшія въ русскомъ языкѣ, какъ не существовали они въ церковно-славянскомъ, и составленныя въ подражаніе ц.-слав. формамъ *добрыихъ* и т. п., показываютъ, что формы *добрыихъ* и др. были неизвѣстны др. русск. писцамъ въ живомъ употребленіи; въ противномъ случаѣ они понимали бы неправильность формъ *нашіими, галилеисцѣиихъ* и др. и не стали бы ихъ употреблять.— Формъ въ родѣ *доброей* неизвѣстно въ памятникахъ до XIV—XV в.: новгородскій актъ XIV—XV в.: *тоїй* землѣ (дат. п.) [1]), полоцкая грамота 1405 года: (в) *всякоимъ* торговемъ дѣлѣ [2]); да и съ этого времени они встрѣчаются чрезвычайно рѣдко, и то исключительно мѣстоименныя: верхотурскій актъ 1663 года: съ *тоей* (деревни) [3]).

Въ виду этого въ русскихъ растяженныхъ формахъ слѣдуетъ видѣть новообразованія.

Когда появились въ употребленіи формы род. п. ед. ч. *той, доброй* (съ j на концѣ), то формы род. п. *тоѣ, доброѣ* ассимилировались съ ними въ морфологическомъ отношеніи, усвоивъ себѣ ихъ конечный j. Такимъ образомъ явились формы *тоей, доброей*, которыя первоначально принадлежали родительному п., а потомъ, такъ какъ *той, доброй*, кромѣ родит. п., означали также дат., тв. и мѣстн. п. ед. ч.,—стали употребляться и въ значеніи этихъ падежей. Ими вызвано появленіе формъ *тоемъ, доброемъ*.

Формы *тоей, доброей, тоемъ, доброемъ* представляютъ какъ бы выдѣленіе изъ падежныхъ формъ прилагательныхъ и мѣстоименій падежныхъ формъ члена. Это было причиною того, что падежныя формы члена выдѣлились также въ формахъ *тымъ, добрымъ, тыхъ, добрыхъ*, и такимъ образомъ явились растяженныя формы *тыимъ, добрыимъ, тыихъ, добрыихъ*. Эти послѣднія, въ свою очередь, дали начало формамъ *тыемъ, добрыемъ, тыехъ, добрыехъ*.

Въ славянскихъ языкахъ форма им. п. имѣетъ силь-

---

[1]) Акты Юрид., 115.
[2]) Р.-Лив. Акты, 119.
[3]) Акты, изд. Калачовымъ, II, 569.

ное вліяніе на формы другихъ падежей. Такъ, въ составъ словинск. dobriga, dobrimu, ново-болг. *добриго, добриму* [1]), словацк. dobrýho, dobrýmu [2]) входитъ форма им. п. *добри*, dobrý; ц. слав. *глаголѭщеихъ, глаголѭщеимъ* образовались изъ *глаголѭщіихъ, глаголѭщіимъ* подъ вліяніемъ им. п. мн. ч. *глаголѭщеи*; формы велико- и бѣло-русскія: *моехъ, моемъ* [3])=*моѣхъ, моѣмъ* (при *моихъ, моимъ*) обязаны своимъ происхожденіемъ им. п. мн. ч. *моѣ; однихъ, однимъ, этихъ, этимъ*—им. п. мн. ч. *одни, эти* [4]); бѣлор. *всихъ, всимъ* [5]) (при *всѣхъ, всѣмъ*) произошли благодаря им. п. *вси*. Какъ эти формы явились вслѣдствіе чередованія формъ *глаголѭщіи* и *глаголѭщеи, мои* и *моѣ, эти* и *этѣ, вси* и *всѣ*, такъ точно чередованіе формы *тыи* и *добрыи* съ одной стороны и *тые* (=*тыѣ*) и *добрые* съ другой вызвало появленіе, рядомъ съ формами *тыихъ, добрыихъ, тыимъ, добрыимъ*, и формъ *тыехъ* (=*тыѣхъ*), *добрыехъ, тыемъ, добрыемъ* [6]). Эти формы множ. ч. вызвали

---

1) Подобныя формы существовали уже въ XVII вѣкѣ: въ относящейся къ этому времени болгарской рукописи житій святыхъ мы находимъ: *Златоустиго, триклетиго, болниму, лютыму*. (Ламанскій, Журн. Мин. Н. Пр., 1869, VI, 359). У Седмиградскихъ болгаръ: drugimu. (Miklosich, Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen, 144).

2) Šembera, Zakladové dialectologie, 74.

3) Ситск. изъ *моефъ* оцей, *своемъ* рукамъ (Этн. Сб. I, 150, 161) и др. Подобныя формы существуютъ также въ языкахъ польскомъ (Małecki, Gramatyka hist.-porówn. jęz. p., I, 215) и сербскомъ (Даничић, Историја, 190 и др.).

4) Мѣстоименіе *этотъ* состоитъ изъ указательной частицы *э*, родственной съ частицею *о* (въ великор. *в-о-тъ, а-в-о-сь*, малор. *о-то*) и мѣстоименія *тотъ*; слѣдовательно, род. и дат. п. мн. ч. долженъ звучать *этѣхъ, этѣмъ*. Эти формы впрочемъ употребляются кое-гдѣ на сѣверѣ: пермск. *этѣхъ* дровъ (Перм. Сб., I, 123); ibid.: *этѣ* проповиди, *этѣ* деньги (119, 123).

5) Надъ *усими* панами (Зап. Р. Геогр. Общ. V, 94); сравни ibid.: *уси* косцы, *уси* трубочки (107, 219).

6) Вотъ для примѣра нѣсколько формъ мн. ч. на *ыехъ* и *ыемъ*: ситск. насъ *горькіефъ*, въ *чужіефъ* людзяхъ, оцамъ *ясныемъ*

формы тв. п. ед. ч. *тыемъ, добрыемъ* [1]), точно такъ же, какъ формы мн. ч. *моехъ* и др. вызвали форму тв. п. ед. ч. *моемъ* [2]).

Какъ мы сказали выше, русскія растяженныя формы именъ прилагательныхъ въ настоящее время употребляются исключительно въ пѣсняхъ. Причина этого ясна: изъ пѣсни, вслѣдствіе правильности ея размѣра, нельзя выкинуть не только слова, какъ говоритъ наша пословица, но и слога, не замѣнивши его другимъ; поэтому на мѣсто трехсложныхъ формъ *добрѣ, доброи* (дат.-мѣстн. п.), *добромь, добрымь* и друг., когда ихъ конечные гласные въ разговорномъ языкѣ перестали звучать, должны были явиться также трехсложныя формы, каковы именно растяженныя *доброей, доброемъ, добрыимъ* (ъ здѣсь не означаетъ звука). Что послѣднія формы вызваны потребностію сохранить размѣръ пѣсни, это видно изъ того, что тѣ формы, конечные гласные которыхъ въ разговорномъ языкѣ сохраняются до нынѣ, не имѣютъ при себѣ растяженныхъ формъ: при *доброго, доброму, доброю, добрыми, добрыма* (дв. ч.) нѣтъ *доброего, доброему, доброею, добрыими, добрыима.*— Мѣстоименныя формы род. п. жен. р. на *ѣ* во многихъ случаяхъ сохранились и въ разговорномъ языкѣ; поэтому растяженныя формы мѣстоименій не составляютъ исключительнаго достоянія пѣсеннаго языка.

Само собою разумѣется, что ц. слав. *добрыимь* и т. д. по образованію не имѣютъ ничего общаго съ современнымъ русск. *добрыимъ*: *ы* въ ц. славянской формѣ произошло изъ *ъ*, чрезъ ассимиляцію его съ послѣдующимъ *и*.

Недавно г. Брандтъ коснулся формъ им. п. ед. ч. великорусскихъ членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣсто-

(Этн. Сб., I, 148, 151); нижегор. *провожатыехъ, бережатыехъ*; онежск. кельямъ *низкіемъ* (Кирѣевскій, II, 90; III, 45).

[1]) Напримѣръ, ситск. горемъ *великіемъ* (Этн. Сб., I, 161); онежск. гласомъ *громкіемъ, зычныемъ* (Кирѣевскій, III, 40, 60).

[2]) Напримѣръ, ситск. *своемъ* горемъ (Этн. Сб., I, 161).

именій на *ой* и *ей* и пришелъ къ тому выводу, что эти окончанія восходятъ къ *ъи* и *ьи* и что *о* есть замѣна $ъ^{ра}$, *е*—$ь^{ря}$ [1]). Соглашаясь вполнѣ съ его выводомъ, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторое дополненіе къ его статьѣ.

Въ памятникахъ русскаго языка XI — XVI вѣковъ, писанныхъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, жители которыхъ въ настоящее время говорятъ великорусскимъ нарѣчіемъ, им. п. ед. ч. членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій обыкновенно оканчивается на *ыи* и *іи*. Изъ массы формъ съ этими окончаніями мы выпишемъ нѣсколько, заимствуя ихъ изъ грамотъ новгородскихъ: 1189—1199 г. *нѣмецкыи*, 1294—1304 г. *великыи, новгорѣдескыи*, 1373 г. *тыи*, 1392 г. *опришніи* [2]), и московской: 1392—1425 г. *иныи* [3]). Правда, формы на *ои* и *еи* также встрѣчаются въ памятникахъ: Евгеніева Псалтырь XI вѣка: *судьнои, велеи, Бжеи, явлеися* [4]), Толковая Псалтырь XII вѣка: *истиньнои, нощнои* [5]); причемъ *ои* встрѣчается очень рѣдко, *еи* — гораздо чаще. Наоборотъ, въ современномъ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи окончанія *ой* и *ей* господствуютъ, хотя, быть можетъ, иногда употребляются и окончанія *ый, ій*. Въ южно-великорусскомъ нарѣчіи, въ словахъ съ удареніемъ на конечномъ слогѣ, употребляются только *ой* и *ей*; въ словахъ съ удареніемъ на другихъ слогахъ часто слышатся *ый* и *ій*, но здѣсь *ы* и *и*—обычные рефлексы неударяемыхъ *о* и *е*, какъ это можно видѣть изъ твердости гортанныхъ звуковъ: слышится: *сладкый, жаркый, горькый*, а не *сладкій* и т. д.

Такое разногласіе между древнимъ и современнымъ языкомъ, наши ученые обыкновенно стараются примирить тѣмъ, что предполагаютъ переходъ *ы* въ *о* и *и* въ *е* или непосредственно, или, какъ г. Потебня, при посредствѣ

---

[1]) Рус. Фил. Вѣстникъ, 1881, II, 353—357.
[2]) Р.-Лив. Акты, 2, 22, 78, 86.
[3]) Акты, изд. Калачовымъ, I, 90.
[4]) Извѣстія, X, 463, 453, 454, 455.
[5]) Лавровскій, Описаніе семи рукописей, 26.

двоегласныхъ *ъі, ыі* [1]), и, какъ на доказательство, указываютъ между прочимъ на соврем. великор. *мою, моешь* и т. д., *Алексѣй, Сергѣй*, будто бы происшедшія изъ *мыю, мыешь, Алексій, Сергій*. Разсмотримъ прежде всего эти послѣднія слова.

Рядомъ съ *мыю, мыешь* и т. п. въ древнихъ памятникахъ новгородскаго говора мы находимъ и *мъю, мъешь*: Минея XII вѣка: *умъю* (bis) [2]), Прологъ XII — XIII в.: *укръется* [3]), Прологъ 1262 года: *кръеши* [4]), 1-я новгородская лѣтопись по списку XIV вѣка: *кръяшеся* [5]). Въ нѣкоторыхъ сѣв.-в. русскихъ говорахъ (напримѣръ, въ пермскомъ) употребляются и теперь формы *мью, мьешь*, предполагающія древнѣйшія *мъю, мъешь*, — при *мой, мойте* [6]). Вслѣдствіе этого нѣтъ никакой надобности выводить *о* въ *мою* изъ *ы*: оно происходитъ изъ древняго *ъ*, независящаго въ генетическомъ отношеніи отъ *ы*. Корень въ *мою* не *мы*, а *мъ*, тотъ же, который мы находимъ въ существительномъ *вы-мо-лъ* (оврагъ, вымоина), род. п. *вымола, вымла* [7]); отношеніе корней въ *мою* и *мыти*, такъ же, какъ въ *пью* и *пити*, — то же, что въ ц.-слав. *чьтж* и *чисти*.

Великорусскія имена собственныя *Алексѣй, Сергѣй* [8]) ведутъ свое начало отъ греч. Ἀλέξιος, Σέργιος, ц.-слав. *Алексіи, Сергіи*, но нѣтъ никакого основанія предполагать между ними русскую ступень *Алексіи, Сергіи*. Эти имена и имъ подобныя въ русскомъ языкѣ, какъ и въ ц. славянскомъ и другихъ славянскихъ, въ им. п. послѣдовали аналогіи членныхъ именъ прилагательныхъ (въ польскомъ и чешскомъ яз. они послѣдовали ей даже въ другихъ паде-

---

[1]) Отчетъ о 20-мъ присужденіи Уваровскихъ наградъ, 805—806.

[2]) Извѣстія, X, 446, 447.

[3]) Ibid., VI, 53.

[4]) Срезневскій, Свѣд. и зам., LXXXVII, 163.

[5]) Полн. собраніе русск. лѣтоп., III, 27.

[6]) Пермскій Сборн., I, 42, 51, 72.

[7]) Напримѣръ, Акты, изд. Калачовымъ, I, 215, 217.

[8]) Написаніе *ѣ* здѣсь, конечно, ошибочно.

жахъ: пол. Antoniego, Antoniemu, чеш. Jiřího, Jiřímu), такъ что *Алексѣй* (изъ *Алексьи)* по формѣ тождественно съ *синей* (изъ *синьи*).

И такъ, слова *мою, Алексѣй* и т. п. не составляютъ доказательства перехода *ы* въ *о*, *и* въ *е* и не могутъ препятствовать считать окончанія *ой* и *ей* происшедшими изъ *ъи* и *ьи*.

Разногласіе между древнимъ и современнымъ языкомъ нужно объяснять иначе, чѣмъ объясняютъ обыкновенно. Въ древнемъ великорусскомъ нарѣчіи *ъ* и *ь* могли не только ассимилироваться съ послѣдующимъ j и переходить въ *ы* и *и*, какъ это мы видимъ въ ц.-славянскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ, но и сохраняться безъ измѣненія (какъ иногда въ сербскомъ языкѣ: *Јурај, змај, овај* и, можетъ быть, въ чешскомъ teju = мою). Такимъ образомъ явилось два ряда формъ; въ составъ однихъ входили *ы* и *и*, въ составъ другихъ, древнѣйшихъ,—*ъ* и *ь*. Вслѣдствіе вліянія ц. славянскаго языка и южно-русскаго нарѣчія, въ которыхъ окончанія *ыи* и *іи* господствовали [1]), они получили въ литературномъ языкѣ сѣверной Руси почти исключительное употребленіе. Они удержались въ немъ и тогда, когда окончанія *ои* и *еи* въ живомъ употребленіи получили сначала преобладаніе, а потомъ и полное господство, и, благодаря южно-великорусскому произношенію неударяемыхъ *о* и *е*, между прочимъ какъ *ы* и *и*, сохраняются въ письмѣ и по настоящее время [2]).

---

[1]) Въ малорусскомъ нарѣчіи они господствуютъ и донынѣ въ видѣ *ий*.

[2]) Надо замѣтить, что въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка (не говоря уже о XVI и XVII) окончанія *ый* и *ій* были далеко не такъ распространены въ письмѣ, какъ теперь.

VII.

3-ье лицо единственнаго и множественнаго чиселъ настоящаго времени безъ личнаго суффикса.

Всякій, кто прислушивался къ великорусскимъ народнымъ говорамъ, конечно, замѣтилъ, что въ однихъ изъ нихъ чаще, въ другихъ рѣже встрѣчаются формы 3-го лица ед. и мн. ч. настоящаго времени безъ личнаго суффикса [1]): *бьё* и *бье* [2]), *ходи, говори* = бьётъ, ходитъ, говоритъ; *пою, говоря, ѣздя* = поютъ, говорятъ, ѣздятъ. Такія же формы находятся во всѣхъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ говорахъ. Иногда ихъ употребленіе не подведено ни подъ какія правила; иногда, какъ въ украинскомъ говорѣ, отсутствіе личнаго суффикса бываетъ только въ единств. числѣ и то въ томъ лишь случаѣ, когда передъ личнымъ суффиксомъ должно находиться *е*, т. е. въ глаголахъ такъ называемаго 1-го спряженія. Кромѣ личнаго суффикса, въ 3-мъ лицѣ ед. ч. мы замѣчаемъ иногда отсутствіе еще звука *с*, который долженъ находиться передъ личнымъ суффиксомъ: *е, нѣ, вѣ*=есть, нѣсть, вѣсть. Форма *нѣ*, какъ составная часть слова *нѣтъ* [3]), употребляется даже въ на-

---

[1]) Выраженія: „безъ личнаго суффикса", „суффиксъ *тъ*" и т. п. имѣютъ въ виду только 3-ье лицо ед. ч., но мы будемъ употреблять ихъ, для краткости, и тогда, когда рѣчь будетъ идти о 3-мъ лицѣ множ. ч.

[2]) Формы *бьё* распространены обыкновенно тамъ, гдѣ употребляются формы *бьётъ* или *бьёть*; формы *бье* — тамъ, гдѣ употребляются формы *бьеть*.

[3]) Миклошичъ (Vgl. Gramm., III, 330) объясняетъ рус. *нѣтъ* изъ *нѣту*. Это объясненіе подтверждается древними памятниками русскаго языка, въ которыхъ формы *нѣтъ* не встрѣчается, а форма *нѣту* или *нѣтуть*, напротивъ того, не рѣдкость; ее мы находимъ, напримѣръ, въ новгородской грамотѣ 1257—1263 г.: иное грамоты у насъ *нѣтуть* (Р.-Лив. А., 99), въ Новгородской Кормчей 1282 года: вины ему въ томь *нѣтуть* (Рус. Достопам., 1, 32), *нѣту* бѣды (Калайдовичъ, Пам. р. сл., 185), въ Лаврент. спискѣ лѣтописи: *нѣту* бо ти нужа никоея

шемъ литературномъ языкѣ, вообще не знающемъ формъ 3-го лица безъ личнаго суффикса [1]). Они извѣстны уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка: Остромирово Евангеліе: *напише* (въ послѣсловіи), Архангельское Евангеліе: *вѣ* [2]), Изборникъ Святославовъ 1073 года: ѥ, *бѫде, су, нарицаѥ, боли, бываѥ, нариче* [3]) и друг. Впрочемъ, изъ приведенныхъ формъ нѣкоторыя можно считать церковно-славянскими, такъ какъ подобныя имъ попадаются и въ такихъ ц.-слав. памятникахъ, какъ Зографское Евангеліе: *достои,* Ассеманіево Ев.: *сѫде, е, вѣруж,* Супрасльская рукопись: *ослушаѥ, подобаѥ, сѫ* [4]). Въ ново-болгарскомъ, сербскомъ, словинскомъ, чешскомъ, польскомъ и лужицкихъ языкахъ формы безъ личнаго суффикса настолько распространены, что формы съ личнымъ суффиксомъ въ нихъ или очень рѣдки, или вовсе не существуютъ.

На основаніи сказаннаго надо думать, что формы 3-го лица настоящаго времени безъ *ть* восходятъ къ праславянскому періоду.

Обыкновенно ихъ объясняютъ изъ формъ, нѣкогда имѣвшихъ суффиксъ *ть* или *тъ,* но впослѣдствіи его утратившихъ [5]). Съ этимъ объясненіемъ нельзя согласиться, потому что если бы отпаденіе въ указанныхъ формахъ *ть* или *тъ* было фонетическимъ явленіемъ, то оно распро-

---

(Пов. вр. лѣтъ, 159). Словацкое nieto (Slovenské Spěvy, 9, 25) можетъ породить нѣкоторыя сомнѣнія относительно значенія окончанія *ту,* но несомнѣнно, что *нѣ*=нѣсть. Во всякомъ случаѣ нельзя объяснять *нѣтъ* изъ *нѣсть,* какъ это дѣлаютъ гг. Буслаевъ (Ист. Гр., I, 194) и Колосовъ (Очеркъ, ист. зв. 89).

[1]) Въ старинномъ литературномъ языкѣ употреблялись еще формы *буде* (=если) и *де* (собственно *дѣ,* изъ *дѣе*); послѣдняя впрочемъ употребляется и до сихъ поръ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

[2]) Амфилохій, Описаніе Ев. 1092 г., 24.

[3]) Изборникъ Св., 4, 4 об., 6, 8, 11.

[4]) Miklosich, Vgl. Gramm., III, 63.

[5]) Miklosich, ibid.; Потебня, Два изслѣдованія, 70; Колосовъ, Обзоръ, 245, и другіе.

странилось бы и на такія существительныя, какъ *сѣть*, *печѧть*, *пѫть*, или какъ *котъ*, *рътъ*, и мы имѣли бы слова *сѣ*, *печѧ*, *пѫ*, или *ко*, *рѣ*, род. п. *сѣти* и т. д. (сравни: *дитѧ*, род. п. *дитѧ-те*; *слово*, род. п. *слове-се*), но такихъ словъ мы не имѣемъ. Сверхъ того, всѣ славянскіе языки даже въ настоящее время не отличаются способностью безслѣдно утрачивать цѣлые слоги; въ праславянскій же періодъ, когда *ь* и *ъ* были еще звуками, — можно сказать навѣрное — они ею не обладали.

Недавно было высказано мнѣніе такого рода: въ праславянскомъ языкѣ были въ употребленіи два суффикса *ть* и *тъ*, изъ которыхъ *тъ* былъ отождествляемъ съ указательнымъ мѣстоименіемъ *тъ*; церк.-славянскій языкъ изъ этихъ двухъ суффиксовъ или удержалъ только второй, или удержалъ оба [1]), но далъ перевѣсъ второму; русскій языкъ сохранилъ донынѣ рефлексы обоихъ суффиксовъ, въ прочихъ же языкахъ сначала *ть* вышло изъ употребленія и осталось только *тъ*, а впослѣдствіи замѣтили, что пользоваться въ 3-мъ лицѣ суффиксомъ *тъ*, или, что то же,— указательнымъ мѣстоименіемъ совершенно излишне, такъ какъ формы *бѫде*, *несе* и безъ того достаточно отличены отъ другихъ лицъ; и поэтому стали опускать *тъ* [2]).

Это мнѣніе основано на томъ предположеніи, что суффиксъ *тъ* когда-то отождествлялся по значенію съ указательнымъ мѣстоименіемъ *тъ*. Но если бы такое отождествленіе дѣйствительно было, то формы на *тъ* употреблялись бы въ церковно-славянскомъ языкѣ только при подлежащихъ муж. р. ед. ч.; при всѣхъ же другихъ подлежащихъ явились бы суффиксы, тождественные по звукамъ съ соотвѣтствующими подлежащимъ формами указательнаго мѣстоименія; такимъ образомъ мы находили бы формы 3-го лица: ед. ч. она *идета*, оно *идето*; мн. ч. они *идети*, оны *идеты*, она *идета*, вполнѣ соотвѣтствующія формамъ 3-го

---

[1]) Послѣднее мы считаемъ несомнѣннымъ въ виду существованія въ ц.-слав. памятникахъ и формъ на *ть*.

[2]) Брандтъ, Рус. Фил. Вѣстн., 1881, I, 176.

лица двойств. ч. она *идета*, онѣ *идетъ* (такъ они употребляются между прочимъ въ Болонской Псалтыри, гдѣ 3-ье лицо ед. и мн. ч. всегда оканчивается на *тъ)*, въ которыхъ осмысленіе личныхъ суффиксовъ не подлежитъ сомнѣнію. Но такихъ формъ и съ такимъ согласованіемъ мы не встрѣчаемъ ни въ церковно-славянскомъ, ни въ другомъ какомъ славянскомъ языкѣ. Правда, можно указать, напримѣръ, на *лежито*-сь въ Ассеманіевомъ Евангеліи, *отидето* (что ся дѣетѣ по вѣрьменемь, то *одето* по вѣрьмьнемь) въ Смоленской Грамотѣ 1229 года [1]), *достоито* въ Златой Матицѣ по списку XV вѣка [2]), современн. ситск. *идзёто, даюто* [3]), но *лежито* имѣетъ при себѣ подлежащее муж. р. и *о* здѣсь очевидно такого же происхожденія, какъ въ *народо*-сь, *рабо*-тъ, *иноплеменнико*-с и друг., встрѣчаемыя въ томъ же памятникѣ; при *отидето* находится *берьго, миро* (=берегъ, миръ); *достоито* употреблено безлично; ситскія формы сочиняются съ подлежащими всѣхъ родовъ и въ нихъ вполнѣ возможно объяснить *о* изъ *ѣ* (сравни ситск. Богъ *дало́*).

Г. Брандтъ отчасти предвидѣлъ наше возраженіе. Онъ допускаетъ, что суффиксъ *тъ*, хотя и появился въ формахъ множ. ч. весьма давно, однако уже въ то время, когда самостоятельное мѣстоименіе *тъ* вышло изъ употребленія, и что переходъ суффикса *тъ* изъ единственнаго числа во множественное былъ совершенно механическимъ. Но съ этимъ мы не можемъ согласиться. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что мѣстоименіе *тъ* употреблялось въ церковно-славянскомъ языкѣ самостоятельно, какъ это можно видѣть изъ любаго ц.-слав. памятника; такъ, напримѣръ, въ Саввиной книгѣ мы читаемъ: *тъ* болѣзни нашѧ приѧтъ [4]), и тамъ же мы находимъ постоянно *идетъ, идѫтъ*. Такимъ образомъ наше возраженіе остается въ полной

---

[1]) Собраніе гос. гр., II, 1.
[2]) Буслаевъ, Истор. Хрестоматія, 691.
[3]) Этнограф. Сборн., I, 71.
[4]) Срезневскій, Памятники юсоваго письма, 14.

силѣ, тѣмъ болѣе, что г. Брандтъ отвѣтилъ только на часть его.

Наше мнѣніе о формахъ 3-го лица настоящаго времени безъ личнаго суффикса состоитъ въ слѣдующемъ.

Извѣстно, что въ индо-европейскомъ праязыкѣ существовало два рода личныхъ суффиксовъ дѣйствительнаго залога: одни, первичные, или примарные (mi, si, ti, nti), употреблялись для образованія формъ такъ называемыхъ главныхъ временъ, другіе, вторичные, или секундарные (m, s, t, nt), — для образованія формъ временъ историческихъ. Въ древне-индійскомъ языкѣ эти личные суффиксы употребляются правильно, но въ другихъ языкахъ мы нерѣдко находимъ ихъ въ смѣшеніи. Такъ, формы наст. вр. изъявит. наклон. греч. ἔχεις, ἔχει, лат. vehis, vehit, vehunt, др. прусск. ast, eit, dāst, литовск. eit, dŭst и т. п. имѣютъ вторичные суффиксы. Такое же смѣшеніе личныхъ суффиксовъ мы замѣчаемъ и въ славянскомъ языкѣ. Имъ мы объясняемъ древне-русскія формы 3-го лица ед. ч. сигматическаго аориста *бысть, дасть, ѣсть,* восходящія навѣрное къ праславянскому періоду, въ которыхъ *с* не что иное, какъ суффиксъ аориста, а *ть* — первичный личный суффиксъ [1]). Имъ мы объясняемъ и тѣ формы 3-го лица наст. вр., которыя не имѣютъ личнаго суффикса: они произошли изъ формъ, въ которыхъ первичный суффиксъ, восходящій къ и.-евр. ti, въ очень давнее время былъ замѣненъ вторичнымъ суффиксовъ, восходящимъ къ и.-евр. t и еще въ праславянскій періодъ отпавшимъ въ настоящемъ времени, точно такъ же, какъ отпалъ онъ въ аористѣ и повелительномъ (=желательномъ) наклоненіи. Вмѣстѣ съ нимъ, конечно, отпалъ и согласный, который передъ нимъ находился. Такимъ образомъ наши *е, бере, беру* представляютъ образованія тождественныя съ лат. est, fert, ferunt.

---

[1]) Сравни Kuhn's Beiträge, VI, 185; Leskien, Handbuch d. altbulgar. Sprache, 67.

VIII.

2-ое лицо единственнаго числа настоящаго времени.

Въ настоящее время въ русскомъ языкѣ употребляются три различныя формы 2-го лица ед. ч. настоящаго времени: 1) на *сь*, 2) на *шь* и 3) на *си*.

Формъ на *сь* извѣстна только одна: малорусск. *jесь* (=еси). Она встрѣчается въ памятникахъ, начиная съ XIV — XV вѣка; именно, мы читаемъ въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи: реклъ ми *есь* былъ, *есь* поставилъ, *есь* далъ, *есь* хотѣлъ [1]); въ Пересопницкомъ Евангеліи 1561 года: *есь* не вѣриль, *есь* чиниль [2]). Та же форма существуетъ въ польскомъ языкѣ: jeś (въ кашебскомъ—jes) и существовала въ полабскомъ: jis [3]). Подобныя ей мы находимъ въ Фрейзингенской рукописи: vuez (=*вѣсь*) [4]); въ кіевскомъ глаголическомъ Миссалѣ: молимъ.... да вѣчьнаѣ твоѣ *подась* намъ [5]); въ современныхъ языкахъ нижне-лужицкомъ: vés и кашебскомъ vies, jês (ц.-слав. *ѣси*) [6]).

Эти формы, принадлежащія глаголамъ съ основою на согласный звукъ, находятся въ ближайшемъ родствѣ съ формами на *шь*, употребляющимися отъ глаголовъ съ основою на гласный. Послѣднія встрѣчаются въ русскихъ памятникахъ съ XIII вѣка: въ новгородской Кормчей 1282 года: *умрешь* [7]), въ рижской грамотѣ около 1300 года: *вѣдаешь, слышишь, дѣешь, купишь, емлешь* [8]), въ новгородской грамотѣ 1307—1308 г.: *будешь*, въ московскомъ ак-

---

[1]) Лѣтопись по Ип. списку, 594, 601, 611.
[2]) Житецкій, Описаніе Пересопницкой рукописи XVI в., 26, 32.
[3]) Schleicher, Laut- u. Formenl. d. polab. Spr. 295.
[4]) Востоковъ, Филологическія Наблюденія, указатель.
[5]) Срезневскій, Св. и Зам., LXXVII, 532.
[6]) Гильфердингъ, Остатки славянъ, 88.
[7]) Калайдовичъ, Памятники, 103.
[8]) Извѣстія Ак. Н., X, 633—636.

тѣ 1328 года: *будешь* [1]), въ Пятикнижіи Моисеевомъ по списку XIV вѣка: *приведешь, створишь, будешь* [2]). Въ болѣе позднихъ памятникахъ формы на *шь* употребляются очень часто. Что касается до другихъ славянскихъ языковъ, то эти формы извѣстны въ древнѣйшихъ памятникахъ языковъ сербскаго, словинскаго, чешскаго, польскаго и лужицкихъ; ихъ мы находимъ и въ Фрейзингенской рукописи: vzovueś, zadenes, prides (=*взовешь, задѣнешь, придешь)* [3]).

Обыкновенно формы на *сь* и *шь* считаютъ происшедшими изъ формъ на *си* и *ши* чрезъ отпаденіе *и*, но это мнѣніе совершенно ни на чемъ не основано. Суффиксы *сь* и *шь* восходятъ къ индо-европ. первичному суффиксу дѣйствительнаго залога si; въ глагольныхъ основахъ на согласный s этого суффикса, по правилу, сохранилось, въ глагольныхъ же основахъ на гласный оно перешло сперва въ *х* и затѣмъ въ *ш*.

Суффиксъ *си* сохранился во всемъ русскомъ языкѣ только въ одной формѣ *еси*; въ разныхъ говорахъ велико-, бѣло- и мало-русскихъ нерѣдки также формы *даси (дасй)* и *ѣси* (украинск. *ïси*). Всѣ эти формы (и еще *вѣси)* употребительны въ церковно-славянскомъ языкѣ. Сербскій и словинскій языки знаютъ форму *јеси (си)*, чешскій — jsi (si), лужицкіе—si. Въ русскомъ языкѣ, кромѣ глаголовъ съ основою на согласный, съ суффиксомъ *си* образовывались и образовываются формы и отъ глаголовъ съ основою на гласный: въ Златоструѣ XII вѣка: *желаеси* [4]); въ Евангеліи 1409 года: *чюеси* [5]); къ нимъ восходитъ и форма *можесь (можесь* ся с нимь бороти) въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи [6]): здѣсь *ь* явилось вмѣсто *и* подъ вліяніемъ формъ

[1]) Собраніе гос. гр., I, 14, 33, 35.

[2]) Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки, XCI, 24.

[3]) Востоковъ, Фил. Наблюд., указатель.

[4]) Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки, XXIII, 31.

[5]) Буслаевъ, Матеріалы, 42.

[6]) Лѣтопись по Ип. сп., 84. Не знаемъ, слѣдуетъ ли присоединить къ этимъ примѣрамъ формы *чаеси, желаеси*, кото-

на *шь*; въ современномъ малорусскомъ нарѣчіи (Переяславск. у., Полтавск. губ.): *зорвеси* (=сорвешь) [1]).

Кромѣ того, въ древне-русскихъ памятникахъ постоянно встрѣчаются формы 2-го лица на *ши*, но лишь въ тѣхъ, въ языкѣ которыхъ чувствуется болѣе или менѣе сильно церковно-славянскій элементъ; въ древнихъ же грамотахъ и актахъ свѣтскаго характера ихъ намъ не встрѣтилось ни одной. Въ современномъ русскомъ языкѣ ихъ не существуетъ, точно такъ же, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ. Въ древности формы на *ши* употреблялись, кромѣ русскаго, въ церковно-славянскомъ и средне-болгарскомъ языкахъ, а также въ сербскомъ, въ тѣхъ его памятникахъ, которые находятся въ той или другой зависимости отъ церковно-славянскихъ. Вслѣдствіе этого можно думать, что формы на *ши* не были никогда въ живомъ употребленіи ни въ русскомъ, ни въ другихъ славянскихъ языкахъ, кромѣ церковно-славянскаго, и представляютъ собою спеціально церковно-славянскія образованія, происшедшія изъ формъ на *си* (въ родѣ *живеси*) подъ вліяніемъ формъ на *шь* (*живешь*) и потомъ вытѣснившія эти послѣднія изъ употребленія; сравни русскую областную (Княгининск. у., Нижегородск. губ.) форму *еши* (ой ты гой *еши*) [2]), которая произошла изъ *еси* подъ вліяніемъ формъ на *шь*.

О суффиксѣ *си* существуютъ въ наукѣ два мнѣнія; по одному, котораго держится, между прочими, Миклошичъ [3]), этотъ суффиксъ есть рефлексъ индо-европ. суффикса si; по другому, высказанному впервые Іог. Шмидтомъ [4]), онъ есть рефлексъ индо-европ. медіальнаго суф-

---

[1]) Труды Этн.-стат. Экспед., II, 139.

[2]) Якушкинъ, Пѣсни, 50 (отд. отт. изъ Лѣтоп. русск. лит. и др.). Формъ въ родѣ вышеприведенной *еши* въ ц.-слав. языкѣ не образовалось потому, что при формѣ *ѥси* никогда не существовало формы *ѥшь*, какъ при *живеси* существовала форма *живешь*.

[3]) Vgl. Grammatik, III, 64.

[4]) Zur Geschichte, I, 13.

фикса sai (др. инд. sai, греч. *σαι*, др. прусск. sai, sei, se), и славянскія формы вполнѣ соотвѣтствуютъ древне-прусскимъ: *еси*—др. прусск. assai, assei, asse, *живеси*—др. пр. giwassai. Что касается до перваго мнѣнія, то оно не имѣетъ за себя никакихъ сколько-нибудь вѣскихъ данныхъ: индо-европ. і въ славянскомъ языкѣ постоянно рефлексируется *ь*[мг]; поэтому мы должны остановиться на мнѣніи Шмидта.

Шмидтъ не привелъ никакихъ фактовъ въ доказательство своего мнѣнія; но мы имѣемъ нѣсколько данныхъ, указывающихъ на существованіе въ славянскомъ языкѣ вообще и въ русскомъ въ частности медіальныхъ формъ.

Въ 1-мъ лицѣ ед. ч. настоящаго времени, рядомъ съ суффиксомъ *мь (есмь, дамь,* откуда *есмъ, дамъ),* въ древне-русскомъ языкѣ существовалъ другой суффиксъ — *ми,* именно въ формѣ *есми,* которую мы встрѣчаемъ между прочимъ въ Успенскомъ Торжественникѣ XII вѣка [1]) и въ грамотѣ Полоцкаго князя Изяслава въ Ригу конца XIII вѣка [2]); въ памятникахъ XIV—XVII вѣковъ она встрѣчается безпрестанно, какъ въ сѣверно-, такъ и въ южнорусскихъ. Изъ нерусскихъ источниковъ она извѣстна только въ сербскомъ Патерикѣ XIV вѣка [3]). Суффиксъ *ми* не можетъ быть объясняемъ изъ индо-евр. активнаго суффикса mi; онъ можетъ восходить только къ индо-евр. первичному суффиксу 1-го лица ед. ч. средняго залога mai (др. инд. mai, греч. *μαι*, др. прусск. mai), и форма *есми* вполнѣ соотвѣтствуетъ древне-прусской asmai (сравни гр. *ἔσομαι*).

Въ числѣ формъ 3-го лица ед. и множ. ч. существуютъ между прочимъ формы на *ти* [4]). Въ живомъ употре-

---

[1]) Чтенія, 1879, I (Житіе Ѳеод. Печ.).
[2]) Рус.-Ливонскія Акты, 13.
[3]) Miklosich, Vgl. Gr., III, 63.
[4]) Древне-русск. формы въ родѣ *ведети и, ведути и* сюда не относятся: здѣсь *и* образовалось изъ *ѣ* чрезъ ассимиляцію съ послѣдующимъ *и*.

бленіи находится лищь форма *ести* (ситское *есци* [1]) и чешское jesti-ť); въ древнихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ: въ Клоціевомъ глаголитѣ: *сѧти* (къде хоштеши, *сѧти*, уготоваемъ) [2]); въ сербскомъ Никольскомъ Евангеліи XIII вѣка: *мнети* се, *примути* ме [3]); въ южно-русскихъ отрывкахъ XII—XIII в.: *слышити* (имыи уши слышати, да *слышити)*, *зовути* (слугы *зовути*, сами же...) [4]); въ Златой цѣпи XIV вѣка: *ходити* (аще ли рабъ... *ходити*, то) [5]). Суффиксъ *ти* есть рефлексъ индо-евр. первичнаго суффикса средняго залога tai (др. инд. tai, греч. ται) и форма *ести* въ звуковомъ отношеніи вполнѣ соотвѣтствуетъ греческой ἔσται, хотя отлична отъ нея по происхожденію.

Къ числу медіальныхъ образованій могутъ принадлежать ц.-слав. формы 3-го л. ед. и мн. ч. на *тъ*: *ведетъ*, *ведѫтъ*, *възѧтъ*, а также чешск. и польск. jest [6]). О производствѣ ихъ изъ формъ на *ть* нечего и думать; *тъ* можетъ быть объясняемо, какъ рефлексъ индо-европ. вторичнаго суффикса средняго залога ta (др. инд. ta, греч. το); сравни указанныя выше русскія формы 3-го лица наст. вр.

рыя мы находимъ въ припискахъ въ новгородской Псалтыри XIV вѣка (Срезневскій, Св. и Зам., XXXIV, 36—37): въ этомъ памятникѣ, при формахъ *жадаеши*, *хощеши*, *мыслиши* имѣется и форма *поспеси* (вмѣсто *поспѣши)*.

[1]) Этногр. Сборн., I, 143.

[2]) Kopitar, Glagolita Clozianus, 7—8.

[3]) Miklosich, Vgl. Gr., III, 64.

[4]) Кочубинскій, Записки Новороссійскаго Университета, XVIII, 9, 4.

[5]) Буслаевъ, Историч. Хрестоматія, 480.

[6]) Сербско-словинское *јест* можетъ восходить къ древнѣйшему *ѥсть*, какъ показываетъ существующее рядомъ съ *јест* — *јесте* (*е* сохранилось подъ вліяніемъ ударенія; сравн. сѣв.-в. рус. *есте́* и греч. ἐστί). Въ сербской Кормчей 1262 года встрѣчаются формы: *скончаете* се льсть, самь себе *удивите*, та *умрѣте*, гдѣ *е*, очевидно изъ *ь*. Тамъ же: срамныи *прибытѣко*, не би *хотѣло* г҃ь, *въстоко*, о *свщ҃еныхо* сыудѣхь, въ *пеме*, бывь *свтителе* (Starine, VI, 72—73).

веде, веду, восходящія къ формамъ съ вторичнымъ суффиксомъ дѣйствит. залога.

Наконецъ, можно считать медіальными образованіями современныя формы 2-го лица мн. ч. изъявительнаго и повелительнаго наклоненій: великор. *есте́* (не *естё*), сѣв.-в.-русск. *пойдете́, лежите́, спите́* [1]), при *хотитё́, спитё́*. Такъ какъ конечное *е* подъ удареніемъ въ великорусскомъ нарѣчіи всегда звучитъ какъ *ё*, то необходимо предположить, что современныя *ёсте́* и друг. восходятъ къ праслав. *естѣ*; на это указываютъ также формы: соврем. малорусск. (подольск.) *jедьтjе, брjjедьтjе* [2]), соврем. моравск. viditě, pamatujtě [3]) и др. русс.: *изберетѣ* въ 1-й Новгородской лѣтописи [4]) и друг., *кормити* (челядь свою *кормити*... одѣваите), *щадити* (лозы не *щадити*) въ Златой цѣпи XIV вѣка [5]), *ислети* въ Сильвестровскомъ сборникѣ XIV в. [6]). Замѣтимъ: 1) что въ подольскомъ говорѣ и въ моравскомъ языкѣ *ѣ* рефлексируется мягкимъ *е*; 2) что др. русскіе памятники, изъ которыхъ взяты нами формы на *и*, писаны, вѣроятно, въ новгородской области, и 3) что въ древне-прусскомъ языкѣ существовали формы 2-го лица мн. ч. на tai : astai. Послѣднія Бругманъ считаетъ спеціально прусскими новообразованіями [7]), но, по нашему мнѣнію,—безъ достаточныхъ основаній. — И такъ:

---

[1]) Колосовъ, Зап. Ак. Н., XXVIII, 14, 67, 74.

[2]) Рус. Филол. Вѣстникъ, 1881, II, 253.

[3]) Sušil, Moravské nár. p., 10.

[4]) Полное собраніе рус. лѣтописей, III, 75.

[5]) Буслаевъ, Истор. Хрест., 480.

[6]) Извѣстія Ак. Н., X, 656.

[7]) Osthoff u. Brugman, Morphologische Untersuchungen, I, 154. Укажемъ кстати слѣдующія древне-русскія формы 1-го лица мн. ч. повелит. накл.: *проливаимѣ* въ 1-й Новгородской лѣтописи (П. с. р. лѣт., III, 34), и *піими* въ Златой цѣпи XIV в. (Буслаевъ, Ист. X., 498). Сравн. др. прусск. 1 л. мн. ч. asmai. Впрочемъ намъ кажется, что приведенныя русскія формы—не болѣе, какъ описки.

1) Медіальныя формы въ славянскомъ языкѣ существуютъ и вопросомъ можетъ быть только ихъ количество;

2) Формы 2-го лица ед. ч. настоящ. вр. на *си* имѣютъ полное право занять мѣсто среди медіальныхъ формъ.

IX.

1-ое лицо множественнаго числа настоящаго времени на мя.

Въ памятникахъ русскаго языка, писанныхъ въ сѣверной и средней Руси, существительный глаголъ имѣетъ между прочимъ форму 1-го лица мн. ч. настоящ. времени *есмя* (вѣроятно, *есмя́*). Древнѣйшій памятникъ, въ которомъ мы ее нашли, — Двинская рядная XIV вѣка; въ ней мы читаемъ: *есмя* невиноваты [1]). Въ болѣе позднихъ памятникахъ, XV—XVII вѣковъ, эта форма весьма обыкновенна. Въ настоящее время она, какъ и другія формы 1-го лица мн. ч. существительнаго глагола, уже вышла изъ употребленія.

Ученые почти не касались ея, только г. Потебня сказалъ о ней нѣсколько словъ и призналъ ее происшедшей изъ *есме*, какъ *естя* произошло изъ *есте* [2]). Мы уже имѣли случай говорить о томъ, что перехода *е* въ *я* въ русскомъ языкѣ не существовало и не существуетъ; другихъ формъ, изъ которыхъ форма *есмя* могла бы заимствовать свой конечный звукъ, мы не знаемъ, и потому должны отвергнуть объясненіе г. Потебни. Такъ какъ *я* въ *есмя* не можетъ восходить къ праславянскому *ja* (тогда было бы не *есмя*, но *есмля*), то праславянскій видъ этой формы долженъ быть **есмѧ*.

Полагаютъ, что въ индо-европейскомъ праязыкѣ, кромѣ другихъ суффиксовъ, 1-ое лицо мн. ч. имѣло также

---

[1]) Срезневскій, Свѣдѣнія и Зам. XXIX, 79.
[2]) Замѣтки о малор. нарѣчіи, 18.

и суффиксъ mam [1]). Должно ли его причислять къ первичнымъ, или ко вторичнымъ суффиксамъ, это — вопросъ, котораго намъ нѣтъ надобности касаться. Довольно замѣтить, что *a* въ немъ приближалось къ *e* и что его достовѣрные рефлексы употребляются въ языкахъ греческомъ ἐσμέν, и древне-ирскомъ: ammi(n). Къ ихъ числу принадлежитъ и *мя* въ русской формѣ *есмя*.

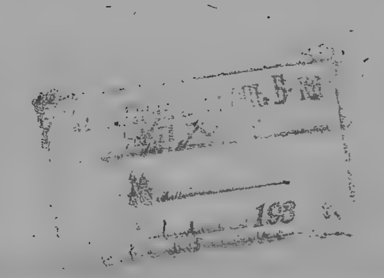
Какъ мы видѣли, г. Потебня съ формою *есмя* сопоставляетъ форму *естя*. Дѣйствительно, эта форма существуетъ и употребляется до сихъ поръ въ разныхъ говорахъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія (кое-гдѣ она означаетъ даже 3-ье лицо ед. ч.); по памятникамъ мы ее знаемъ съ XVI вѣка: въ грамотѣ 1539 года: били *естя* челомъ, *стя* писали, *естя* имали [2]). Она находится въ тѣсной связи съ формою *есмя*, но гораздо моложе ея: *естя* — новообразованіе, явившееся изъ *есте* (или *естѣ?)* подъ вліяніемъ и по образцу *есмя*.

Въ бѣло- и малорусскомъ нарѣчіяхъ формъ *есмя* и *естя* и имъ подобныхъ мы не знаемъ. Они неизвѣстны также и въ другихъ славянскихъ языкахъ.

---

[1]) Osthoff u. Brugman, Morphol. Untersuchungen, I, 151 слѣд.

[2]) Акты Археогр. Эксп., I, 163—164.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стрц.	*Стрк.*		*Напечатано:*	*Должно быть:*
1	13	снизу	ја	ја (муж. р.)
2	11	сверху	как къ	какъ въ
—	19	—	*мӥцъ*	*мӥцѣ*
3	19	—	*тое пагубное*	*тоѣ пагубноѣ*
5	3	—	*вечерѣ,*	*вечерѣ*
—	5	—	*чашѣ*	*чашѣ,*
—	18	—	*земле,*	*земле*
6	4	—	все	*всѣ*
—	18	—	*дѣтыные*	*дѣтьскые*
—	6	снизу	XII	VII
8	4	сверху	*русъкое зимли*	*русъкоѣ земли*
9	15	—	*каратѣ*	*харатѣ*
—	16	—	*лодѣ*	*лодьѣ*
10	6	—	*Олекслевои*	*Олексѣевои*
—	18	—	основы на *ја*	основы на *а*, *ја*
—	23	—	Ирмолой	вин. п. мн. ч.: Ирмолой
—	26	—	*талщи кы*	*талщикы*
—	2	снизу	133	633
11	5	сверху	*аӥлы*	*анӥлы*
12	8	снизу	42.	42, 152
13	15	сверху	на *ые*	на *ыѣ*, *ые*
14	19	—	кѩ	ѥѩ
—	22	—	tvaž	tvař
—	5	снизу	261	223
16	7	—	большомъ	большемъ
—	13	—	въ незначительной части	въ незначительномъ числѣ
18	9	—	*матерьѩ, кровѩ*	*матерьѭ, кровѭ*
—	14	—	основною	основою
19	12	сверху	замѣчаетъ	замѣтилъ
—	18	—	въ томъ смыслѣ	въ томъ же смыслѣ:
20	14	—	кѳ	кѳ,
—	15	—	зъля	зъла
—	16	—	Пандекта	Пандекты
21	3	снизу	вѣка;	вѣка,

Стрц.	*Стрк.*		*Наепчатано:*	*Должно быть:*
22	4	сверху	описаны	писаны
—	7	—	τῆς σαββάτων	τῆς μᾶς σαββάτων
—	9	—	*Василисы*	*Василисѣ*
—	20	—	въз...	възвесели
23	12	—	современнымъ	современнаго
—	10	снизу	двухъ	тѣхъ
—	14	—	уже	же
24	16	сверху	древне-русскія	древне-русскія формы
25	1	—	*dzenice*	*dzeuice*
27	9	снизу	ли	ми
—	10	—	*тѫчѣ,*	*тѫчѣ*
28	3	сверху	сыѫды	сьсѫды
—	9	—	*ѣ*·мѣмъ	*ѣ*[темъ]
—	10	—	Клоціева	Клоціевъ
—	20	—	*сирѫ*	*сирѫ*"
30	7	снизу	ἐματίον	ἱματίου
31	13	сверху	*Махайловѣ*	*Михиаловѣ*
32	15	—	*Черниговьскѣе, рѣкѣ*	*Черниговьскеѣ, рѣпѣ*
—	2	снизу	Матеріалы.	Матеріалы, 41.
34	7	—	69	99
38	14	—	дни;	дни
—	3	—	I, 4, 159	I, 159 (4 ое изд.).
39	2	сверху	во *всі*	*овсі*
45	3	снизу	такъ какъ *я* здѣсь	такъ какъ здѣсь
50	19	сверху	казъ	какъ
62	8	снизу	*са*	*ся*
79	2	—	бѣды	виры
83	9	—	суффиксовъ	суффиксомъ
88	2	—	сыудѣхь	сьсудѣхь

Кромѣ того окончаніе 6-го примѣчанія на страницѣ 85 ошибочно напечатано на стр. 88.

